

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 5 (116) 2017
сентябрь — октябрь

**Тема номера:
...НО КАК ПОЛЮБИТЬ
ГРЕШНИКА?!**

- Новый храм Сретенского монастыря
- Вечерняя теленяня всех малышей
- Художник, пишущий стихи

...и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грешни (Ин. 8:11)

Борясь за себя, мы тем самым боремся и за других

Настоятель Ермолинского мужского монастыря игумен Варлаам (Борин)
и главный редактор журнала Павел Демидов беседуют о главной теме номера

– Ненавидеть легче, чем любить. Видимо, поэтому мы безоговорочно принимаем первую часть максимы о необходимости ненавидеть грех и спотыкаемся о вторую ее часть – любить грешника. Что вы думаете об этом, отец Варлаам?

– Ох, Павел Павлович, боюсь, что полюбить и негрешника дело очень и очень нелегкое! Тут неизбежно вспоминается вторая заповедь о любви к ближнему. Ведь в ней сказано: возлюби ближнего своего как самого себя (см. Мф. 19:19), а не возлюби грешника или праведника.

– А что же такое любовь к самому себе?

– До чего же часто здесь приходится сталкиваться с недоумением: что, в самом деле, такое любовь к самому себе? Ведь если попытаться применить эту заповедь буквально, то получится, что ничего, кроме эгоизма, самолюбия – в первую же очередь (!), и надо возлюбить в себе дорогое; и ничего другого мы не сможем придумать. Но мы знаем заповедь Христа о самоотвержении (см. Мф. 16:24), и не только заповедь, а саму жизнь Богочеловека на нашей земле, и потому нам очевидно, что любовь к самому себе и самолюбие – это не только не одно и то же, а совершенно противоположные понятия.

– Звучит вроде бы парадоксально.

– Да, но только для тех, кто, имея уши, не слышит (см. Мк. 8:18). Чтобы более глубоко или даже просто правильно понимать заповедь, я бы сделал между ними вот какое различие: любовь к себе есть самолюбие, и потому это грех; любовь к

самому себе есть любовь евангельская, и, стало быть, в ней греха нет.

– Что принципиальное содержится в слове «самому»? Отец Варлаам, это нуждается в пояснении.

– Попробую пояснить. Возьмем в качестве объекта рассмотрения себя, свою душу. Каждый человек, который склонен хоть к небольшому самоанализу или, тем более, соотносит свои поступки с заповедями, неизбежно увидит в себе некую двойственность. С одной стороны – как греховную составляющую – свои страсти, даже если они находятся в так называемом латентном состоянии; с другой – свое высшее начало, которое хочет правды, истины, спокойной совести, наконец. А если говорить прямо – то жизни по Богу, жизни с Богом. Так вот, это высшее «я» (некоторые богословы определяют его как образ Божий, по которому сотворен человек) и есть настоящий человек, *сам* человек, которого и нужно возлюбить. А возлюбив его, человек неизбежно начинает ненавидеть грех, затмевающий его истинное, высшее «я», начинает бороться за очищение своего сердца как духовного центра личности, каяться и входить во всё более тесные взаимоотношения с Богом. Если человек научился различать и разделять в себе две эти составляющие, то и в другом он будет способен отделить грех человека от *самого* человека. То есть, несмотря на грех, видеть в человеке его высшее начало, его истинное «я». А если удастся это увидеть, прозреть своим духовным взором, то это уже повод пожалеть человека согрешающего, ну а в сострадании – начало любви.

– Общеизвестно: русский язык – один из самых богатых и уж куда богаче древнегреческого. Однако в последнем насчитывают до семи слов, обозначающих разные чувства, формы, объекты и субъекты любви: *эрос* – чувственная любовь, *стэрго* – любовь к правителю, к родине, любовь родителей и детей, *филие* – любовь к друзьям, братская любовь, *агапе* – наивысшее проявление любви, любовь чистая, жертвенная, без всяких условий, духовная любовь (вспомним апостола Павла), *прагма* – разумная, уравновешенная любовь, *мания* – безумная любовь, *людус* – флирт, любовная игра. А в нашем «великом и могучем» на все про все только – любовь. Она и эрос, и прагма, и мания, и все прочее. Почему?

– Вы назвали так много обозначений любви в древнегреческом языке, что некоторых из них я и не знал. Ведь я учил греческий «условно-досрочно», на заочном секторе семинарии... Но если серьезно, то, как в каждом явлении, думается, здесь не одна сторона. Действительно, имеет место явная недостаточность русского определения любви и, как следствие, путаница в наименовании любовью того, что таковой не является. Но в то же время нельзя не признать, что «любовь по-русски» – понятие очень емкое, хотя при этом мы отметили недостаточность этого слова. По сути, если мы говорим о любви, а не о ее подменах, то, в конечном счете, должны в своем сознании или хотя бы в подсознании восходить к высшей, настоящей любви, о которой нам говорит Христос (например, «...да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15:12)). А что касается обыденных наших разговоров, то употребление этого одного слова, которое заменяет нам несколько греческих, порой снижает и уровень разговора (хотя, казалось бы, должен повышать) и, конечно, девальвирует само это слово. Почему же наш «великий и могучий» проигрывает в этом моменте древнегреческому, ответить затрудняюсь.

– Кажется, Декарт утверждал, что люди избежали бы многих недоразумений, если бы договорились о понятиях. Не в этом ли корень многих наших настроений, связанных с понятием любви? Допустим, любить гея – это совсем не то же, что любить жену. Но мы и там, и там используем один и тот же термин – любовь.

– Пожалуй! Если бы люди сумели договориться о понятиях, то человечеству удалось бы избежать многих недоразумений... Иногда мне доводится присутствовать при разговоре разных, в том числе очень умных и духовных, людей. Довольно часто возникают споры. Предметы спора самые разные: кинематограф, литература, история, политика... И вот, слушая спорящие стороны, порой чувствуешь, что они говорят об одном и том же, то есть точки зрения у них не такие уж разные, чтобы спорить, но все дело в понятиях. Один называет какую-то деталь спора одним словом, другой называет это иначе, а имеет-то в виду практически то же самое. Так что, действительно, понятийный аппарат при взаимодействии очень важен.

Что же касается второй части вопроса, то... это зависит от того, кто говорит о любви. Если говорит кто-то из родителей о любви к своему ребенку, а он – гей?.. Как все не просто в этом мире!.. Несомненно, если гей говорит о своих влечениях и называет это любовью, мы скажем, что это просто греховная похоть. С другой стороны – чувства же!.. Недавно на исповеди один молодой человек рассказывал мне о своих переживаниях, связанных с человеком, «с которым живу», как он выразился. Видя его несколько необычный вид, я заинтересовался: а этот человек мужчина или женщина? Ответ прозвучал – надеюсь, вы понимаете какой. И вот, у меня не возникло чувства отторжения или нежелания разговаривать с этим молодым человеком, хотя... Хотя, раз он эту связь не считает грехом, я имею-де полное право расстаться с ним до осознания им, так сказать, и переосмысления.

– **Что же вы при этом испытывали?**

– Я слушал о его душевных переживаниях и думал (старался молиться): как ему помочь?.. Вы знаете, он даже спросил меня, можно ли ему причаститься. Он же исповедовался, как положено...

– **И что вы ответили ему?**

– Ну как вы думаете, что я мог ему ответить? И он, представьте, совсем не обиделся, когда услышал отказ.

– **Эти люди нередко агрессивны.**

– Потому что общество, как правило, агрессивно к ним. Поймите меня правильно: я несколько не оправдываю грех. Я лишь хочу сказать, что любой грешник, даже если он до конца не осознает свои грехи, – страдает. А человек страдающий обязательно имеет право на сострадание. Ну а сострадание, как я уже говорил, считаю началом любви. Так что в каком-то смысле можно говорить о любви к любому человеку. Тем более раз уж мы пытаемся разобраться в вопросе, как полюбить грешника.

– **Любовь и смирение. Как они связаны между собой? Помогают ли одно другому или, напротив, вступают в противоречие? Ведь смирение предполагает сдержанность, а любовь вроде бы зовет к свободе проявления чувств.**

– Естественно задать встречный вопрос, Павел Павлович: о какой любви идет речь? Если о чувственной, то тут смирение, конечно, ни при чем. Чувственная любовь (греки сказали бы – эрос) требует проявления своих чувств, отклика, различного рода удовлетворения их. Но если все-таки говорить о любви-агапе, то смирение тут просто необходимо. Кстати, думаю, что человек, стремящийся к смирению, понимающий его необходимость... Ну

нельзя же, в конце концов, построить мир, основанный на своей гордыне! Даже если построишь, завоевав его, все равно закончишь дни на острове Святой Елены!..

– **Правда, для этого прежде нужно стать Наполеоном.**

– А Наполеон и остров Святой Елены в данном случае метафора. Всякий, строящий свой мирок на гордыне, сам себе наполеон. Значит, каждого ждет его остров Святой Елены. Человек, который хочет научиться от Христа, ибо Он кроток и смирен сердцем (см. Мф. 11:29), способен восходить в любви, если даже такой задачи напрямую и не ставит. Скажем, посетило его чувство, пришла чувственная любовь, которая по каким-либо причинам не может иметь продолжения и быть полностью удовлетворена: «Парней так много холостых, а я люблю женатого» или, наоборот, любовь к замужней женщине... И если это не просто похоть (еще одна грань русского слова «любовь»), если человек не считает, что должен (должна) добиться своего во что бы то ни стало, понимает, что на чужом несчастье счастья не построишь, то!.. Вот и остается человеку смиряться. А для этого – бороться с похотью, очищать свое сердце от блудной страсти, чтобы, во-первых, не страдать, а во-вторых, любить настоящей, чистой, вечной любовью. Повторюсь, если мы говорим о любви, а не о ее подменах. Ведь любовь... Если это чувство пришло, рубильника ведь нет: вкл. – выкл. Поэтому любить надо! Но надо понимать и необходимость восхождения от эроса к агапе. Ну и, конечно, смирение в этом процессе – первый и необходимый помощник.

– **О такой любви, насколько я понимаю, идет речь в вашей сказке «Кухарка короля»?**

– Да, несмотря на то что это сказочная история, и она имеет корни в нашей реальности... Мне хотелось показать именно восхождение от чувственной страсти к чистой и вечной, божественной любви.

– **Мир лежит во зле, а должен бы лежать в любви. Каждого, и не только верующего, спроси, согласен ли он с этим, – уверен: каждый согласится, а вот все продолжает идти прежним путем. Почему?**

– Да потому, что каждый человек, даже если он верующий и понимает, что в центре мироздания стоит Господь Бог, все равно, в силу падшести своей природы, невольно в своем сознании ставит себя в центр мира. Это, в общем-то, естественно. «Вот, это я, Господи! – говорим мы. – Понимаю, что Ты – Создатель, Творец мира, но я-то – маленький (а то и великий, кто уж как оценивает себя) человек со своими

чувствами, желаниями, запросами, чаяниями, но это – я (или Я)». И моя жизнь, так или иначе, крутится вокруг моего «я». А поскольку мы оцениваем себя неверно – сколько бы мы ни стремились к точности самооценки, – ложное, погруженное в страсти наше «я» неизбежно сталкивается с такими же «центрами мира». Один претендует на центровое положение, другой, третий... Да сколько же можно! Надо это прекратить и установить справедливость, то есть утвердить в центре только свое «я». Вот борьба-то и идет, искры летят, зло увеличивается и увеличивается.

– **Но не все же стремятся в завоеватели-наполеоны.**

– По масштабу, в желании завоевать мир действительно не все. Но в своем микромире, среди своего окружения, – практически повсеместно. Это проявляется в элементарных каких-то спорах, в пустяках, когда человек настаивает на своем и совершенно не допускает иной точки зрения. Сейчас это особенно проявляется в разговорах о политике.

– **Уж чего-чего, а политизированности нам хватает. Прежде, по-моему, такого не было.**

– Да, общество наше что-то уж чересчур политизированно. И политические вопросы становятся камнем преткновения даже в семейных отношениях. Один человек не видит другого или рассматривает его не как человека, а только как систему взглядов. И если взгляды не совпадают, всё – ты мне не друг, не брат, не муж, не жена.

– **Этот политический балаган – ярмарка тщеславия, по сути, шабаш страстей. Какой вы видите выход?**

– В борьбе человека за... человека. В первую очередь – за самого себя. А для этого необходимо бороться со злом в самом себе! Именно в этом смысле Христос говорит: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12:25). Это путь к любви. Как писал архимандрит Софроний (Сахаров), если человек даже только принимает греховную мысль в сердце, космическое зло увеличивается. Соответственно, если нам удастся не принять хотя бы один помысел, космическое зло не увеличивается. Невольно вспоминаешь – у Достоевского: каждый виноват перед всеми.

– **Любовь – понятие абстрактное. Абстракцию в самом деле трудно постичь носителям конкретного мышления, то есть нам с вами. А вот милосердие – это очень конкретно. Причем милосердие в самом широком смысле – от традиционной помощи страждущим до мило-**

сердного отношения к любому человеку, животному, к природе, по любому поводу и даже вовсе без него. А милосердию можно и научить, и научиться. Так, может быть, милосердие и есть тот земной алгоритм воплощения любви, о которой говорит Апостол?

— У меня нет повода не согласиться с Апостолом (*улыбается*)! И с вами, Павел Павлович!.. В начале нашей беседы, когда у нас зашла речь о второй заповеди, я уже говорил про сострадание, которое должно приводить к любви. Все зависит от степени сострадания. Если это просто внешняя помощь страждущим, материальная, то мы вполне можем остаться и равнодушными. Если же мы переживаем сердцем, со-страдаем, то есть часть страданий пытаемся взять на себя, то можно уже говорить о милосердии — возникновении милости в нашем сердце. А от милости до любви, думается, один шаг.

— Есть, как мне кажется, два возможных пути к тому, чтобы полюбить грешника. Один — предельно конкретный: есть тот или иной грешник, и ты не отвергаешь его, а заставляешь себя понять его, то есть, по сути, отделяешь грех от человека. Другой путь — путь обожения, приближения себя к Богу, и тогда вопрос полюбить грешника перестает существовать сам по себе. Допустимо такое рассуждение?

— Чисто теоретически такое рассуждение допустимо. Но на практике, в реальной нашей жизни одно без другого невозможно. Действительно, конкретный путь, или, как вы точно выразились, *предельно* конкретный, — это отношения с тем или иным человеком. Когда сталкиваешься с какой-то ошибкой человека, его неправдой, грехом, пытаешься понять его, оправдать, а не выносить приговор. Если получается — пусть даже наше понимание не очень коррелирует с реальностью, — удается и простить человека. Принять его таким, каков он есть. Опять же — в нашем понимании...

— Простите, но у каждого может быть свое понимание. Значит, у каждого и своя шкала ценностей?

— Нетушки. Если мы говорим о христианах, то у них шкала ценностей одна — евангельская. Что не исключает индивидуального подхода в каждом конкретном случае. Наша религия — это не религия безликой массы, это религия каждого человека, потому что в каждом — образ Божий.

— Почему же, если мы все исповедуем одни ценности, на выходе такие разные результаты?

— А потому, что порой и понимание — как процесс интеллектуальный, рассудочный — не приводит к желаемому резуль-

тату. Да и вообще *заставить-то* себя не всегда можешь, настолько захлестывает обида, раздражение, осуждение. Вот и получается, что своими силами невозможно исполнить даже такое, казалось бы, простое и понятное дело. Христос нам говорит, предупреждая: «...без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). А уж в деле борьбы с грехом, со страстями!.. Как без Божией помощи?! Только благодать дает возможность удержаться от греха и, соответственно, не судить грешника. Поэтому обожение, приближение к Богу и получение от Него реальной силы — самая главная и насущная задача каждого человека!

— Все мы любим себя, не правда ли? И все мы согласны с тем, что мы грешники. Но себе мы находим объяснения, смягчение, оправдание. Почему же к другим мы столь категоричны?

— Ну, это не иначе как из любви... только не к *самому* себе, а к себе дорогому. В этом мы, конечно, не виноваты (*улыбается*). «...Жена, которую Ты мне дал, она...» (Быт. 3:12). Вот *она* у нас всегда и виновата! После грехопадения все изменилось: любовь, направленная вовне — к Богу, к творению, обратилась на себя, став самолюбием, исполнение воли Божией обернулось исканием воли своей... Мир, отпавший от Бога, лежит во зле. Мы это, конечно, видим, чувствуем, страдаем от этого. Иногда даже какой-нибудь рассказ о злодеянии — чем переполнены наши телеканалы — так захватывает, так сковывает душу, что вся жизнь становится не мила, ни о чем другом думать уже не можешь. И молитва никак не идет. Но, так или иначе, без Бога ничего невозможно. Никакого противостояния злу не получится... И вот вернуться-то к Богу в первую очередь должен каждый сам! Возлюбить Бога и *самого* себя! Для этого и приходил Спаситель на землю, ради этого и принял смерть на Кресте!..

— Вам хорошо: вы в монастыре живете. А как нам, мирским?.. Кстати, в этом же номере идет ваш рассказ: монастырская обитель глазами собаки. Необычный подход. Но интересный. И как-то, я бы сказал, рифмуется с нашей беседой.

— Неожиданное наблюдение. Но в чем-то вы, наверное, правы. Что же до того, кому где как живется... Монастырь — это не капсула в вакуум-упаковке. На нас враг еще как нападает... Главное в другом: от себя никуда не денешься, ни в миру, ни в монастыре. От своих страстей, от помыслов, от грехов... Мне не хочется переходить на проповеднический тон, но всякий раз, когда сталкиваешься со злом, силясь преодолеть его, чтобы оно тебя

не поглотило, задумываешься о тайне спасения. И всякий раз душа скорбит: Христос искупил — в том числе и меня лично — от власти греха, а я (*вздыхает*)!.. Не случайно Он и в Нагорной проповеди говорил об отношении с близкими. «Не судите, да не судимы будете...» (Мф. 7:1). Кому-нибудь хочется быть осужденным? Нет! Но мы судим... «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём... не чувствуешь» (Мф. 7:3). Зная поврежденность нашей природы, Христос учит нас. Поэтому наша задача не столько в том, чтобы понять *почему*, сколько в том, чтобы научиться *как*. А как научиться?.. «...Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13:15).

— А любить грешника и быть толерантным — одно и то же?

— Нет, любовь и толерантность — разные понятия, даже если мы их применяем не по отношению к грешнику. В любви всегда есть и понимание человека (или хотя бы желание понять), и сострадание к нему, и желание сделать ему что-то хорошее — даже если это хорошее, мы надеемся, вернется к нам. Одним словом, в любви всегда активное взаимодействие — на душевном, материальном, ментальном уровне. Ведь если мы любим человека, то неизбежно думаем о нем (а в лучшем случае — молимся). Толерантность же, насколько я понимаю, просто терпимость. А терпеть можно отстранившись, безразлично, не принимая человека никак — ни душой, ни сердцем, ни умом.

— Христос говорит грешнице, взятой в прелюбодеянии: «...и Я тебя не осуждаю». Так, может, все вообще просто: не осудить — и значит полюбить?

— Конечно, просто, Павел Павлович (*улыбается*)! Только вот остается научиться не осудить!.. Будем стараться, да?

СКРЕПЫ

Должно помнить евангельское слово Самого Господа: «Милости хочу, а не жертвы», то есть, чтобы благоугодить Господу, нужно более всего заботиться, чтобы не осуждать других и вообще иметь снисходительное расположение к ближним.

Преподобный
Амвросий Оптинский

Молиться о возвращении заблудшего – и есть любить его

Наверное, прежде необходимо понять, кто этот грешник. Грешник – это ведь я сам. Причем, я в своих глазах являюсь как раз таким грешником, которого люблю, жалею, нахожу смягчающие обстоятельства для оправдания его грехов и желаю ему добра – хоть и знаю о его многочисленных беззакониях.

Пожалуй, каждый христианин подобным образом переживает свою греховность. Но так предлагает нам относиться и к другим грешникам упомянутый нравственный тезис. Все остальные люди точно такие же, как ты, – значит, относиться к ним так же, как и к себе. Ненавидь грех, но люби грешника.

Данный христианский принцип находится в прямой связи с заповедью Спасителя «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39). Что значит возлюбить себя? Очевидно: Господь призывает нас полюбить в себе образ Божий, а не грех, который искажил его. Возлюбить себя правильно – значит признать объектом любви не ветхого Адама, а нового человека во Христе; не того, кем мы были и есть, а того, кем должны стать. Свою душу, нуждающуюся в спасении, нужно полюбить.

Только так понимая любовь к себе, мы сможем перенести это правило на взаимоотношения со всеми остальными людьми, как этого ждет от Христос. Любить ближнего тоже нужно правильно. Только через верно понятую любовь к ближнему (как к самому себе) возможно научиться любить грешника и отвергать грех.

* * *

Впервые о том, как можно сохранять доброжелательное отношение к явно и тяжко согрешающему человеку, я всерьез задумался, когда в 2014 году столкнулся в Украине с кампанией по манипуляции общественным сознанием. И когда множество родственников, друзей, знакомых пропитались человеконенавистнической бандеровской идеологией, встал вопрос: как к ним относиться?

Не будет ли нравственным предательством общаться с людьми, сочувствующими идеям ОУН-УПА, если мой дед воевал с ОУН-УПА, а мой прапрадед был убит бандеровцами? Тема еще более осложняется, если в группу таких людей попадают верующие канонической Церкви. Можно ли молиться вместе с ними и причащаться? Возможно ли духовное, молитвенное единство с теми, кто считает человеконенавистническую идеологию нормой?

До сих пор решения всех вопросов во всей их сложности нет. Но благодаря многим интервью и беседам предстоятеля УПЦ

Блаженнейшего митрополита Онуфрия со временем стали проявляться какие-то главные положения, наиболее соответствующие православному мировоззрению в этих трудных обстоятельствах. Суть их можно выразить все в том же тезисе: люби грешника, но ненавидь грех. Пожалей недугующего, но не заражайся от него. Твердо стой в правде, но принимай человека, пока не чувствующего этой правды, как заблудшего брата, в надежде на его возвращение.

Грех разъедает человека изнутри, убивает духовно. Грешник имеет приговор сам в себе. «Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. 7:15–17).

Полюбивший беззаконие уже живет в аду, созданном им самим. Осуди его грех, но не суди человека, ибо он погибает. Он сделал свой выбор, встав на путь ненависти. Христианин же должен идти по евангельскому пути любви, который показал нам Христос.

Жить по этим правилам в нынешней Украине и есть настоящее исповедничество. И очень немногие люди способны так поступать.

* * *

Отделять грех от грешника – великое искусство, которому надо учиться всю жизнь. Им в совершенстве владеет Бог.

Как поступил Господь с человеком после грехопадения? В Священном Писании используется слово «клятва», или «проклятие», которое указывает на изменение отношений Бога и человека после нарушения Адамом райской заповеди. Но данный термин нельзя понимать как «проклятие» в человеческом смысле. Бог не проклинал человека. «Клятва» – естественное неприятие святостью греха, неминуемое отторжение праведности от беззакония. Объектом гнева Всевышнего стал не человек, а грех, живущий в нем. Поэтому и пишется в «Пространном катехизисе», что проклятие есть «осуждение греха праведным судом Божиим и от греха происшедшего на земле зла в наказание человекам». Бог проклинает грех, но жалеет человека, верит в него, зовет его к Себе.

От Бога этому искусству научались и святые. Что больше всего поражает нас в святых? Любовь к грешнику, соединенная с радикальным неприятием греха.

В житии преподобного Паисия Великого был такой случай. Некий инок влюбился в иудейскую девушку, в страстном ослеплении отрекся от Христа и женился на ней. Паисий же день и ночь молил Христа о юноше: «Господи, прости его». После долгих молений Паисия Христос явился ему и сказал: «Ты молишься о нем, но ведь он отрекся от Меня». Старец ответил: «Господи, а Ты все равно прости его». И тогда Христос произнес: «Паисий, воистину ты уподобился Мне в любви». Вскоре после явления Христа инок покался и вернулся в монастырь.

Святость – это драгоценная монета с оттиском на двух сторонах. Одна сторона сияет любовью к Богу и человеку, другая излучает нетерпимость ко греху. Одно связано с другим, две стороны монеты образуют единое целое. И в этом единстве нет места для неприязни к человеку.

* * *

Возненавидеть грех, сохраняя жалость и сочувствие к согрешающему, означает отдать весь суд Богу, исполняя заповедь «Мне отмщение, Аз воздам» (Евр.10:30). Отдать суд Ему трудно. Но это и есть показатель веры.

Ненавидеть грех, но любить грешника – значит понять, что источник зла – не человек, а «человекоубийца от начала... лжец и отец лжи» (Ин. 8:44). Уже только поэтому невозможно отождествлять грех и грешника. Грех не является сущностью человека, но лишь некоторым помрачением образа Божьего в нем.

Выбирая зло, человек лишь превращается в послушный инструмент в руках диавола, исполняя его злую волю. Он становится святыней в плену. Греховный плен ужасен, но святость остается прекрасной – и мы обязаны ее чтить.

Впрочем, жалеть грешника вовсе не значит позволять ему творить все, что он хочет, и проповедовать грех как норму. Мы никогда не признаем, например, аборт «правом матери» или содомию «врожденной наклонностью», как пытаются убедить всех иные западные либералы. Но человека, покаявшегося в этих страшных преступлениях, мы примем, потому что сами суть кающиеся грешники.

Православие никогда не признает грех естественным свойством челове-

ской природы, но всегда будет иметь отвращение ко греху. Ненависть же ко греху прямо пропорциональна любви к Богу, ибо любить Бога значит ненавидеть грех. В данном случае не надо бояться слова «ненависть». Ненавидящий брата своего есть человекоубийца (см. 1 Ин. 3:15), но ненавидящий грех – это святой человек.

* * *

Тема легка для понимания, но трудна для исполнения. Гораздо удобнее сменить прицел своего негодования с греховного поступка на его исполнителя, чем потерпеть человека с его немощами. Но Писание повелевает нам: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните

Об авторе. Живет в Киеве. По светской профессии – музыкант. Окончил катехизаторские курсы при Киево-Печерской лавре. В Церкви занимается проповеднической и катехизаторской работой, на киевских Свято-Владимирских курсах преподаёт Ветхий и Новый Завет. Пишет статьи в церковные издания России, Украины, Белоруссии. В прошлом году в издательстве «Эксмо» вышла книга проповедей на апостольские чтения «Всегда ищите добра». В этом году в том же издательстве должна выйти книга в соавторстве с о. Андреем Ткачевым «Библия и жизнь». В «Лампаде» печатается впервые.

закон Христов» (Гал. 6:2). Есть человек, а есть его бремя, которое необходимо потерпеть. Такой путь гораздо тяжелее обличений, поиска врагов, вынесения приго-

воров. Но именно по такому непростому пути – пути любви – призывает нас следовать Евангелие Христово.

Киев

Сергей Комаров

Письмо прп. Антония Оптинского семье помещика, скорбящей об отмене крепостного права

Приношу вам сердечное благодарение мое за все писания ваши и за подробное уведомление ваше о теперешнем Вашем невыносимо горьком житье-бытье; так что, прочитавши оные, и мое сердце наполнилось печалию до болезни, недоумевая, что сообщить вам во утешение. И действительно ничего не нашел, как только с вами сетующими сетовать и плакать и молить Господа Бога, чтоб Он, Господь, крепость дал Вам, людям Своим, и благословил Вас вожделенным миром, т. е. спокойствием и тишиною. Из обстоятельств, каковые вы вытерпиваете ныне, видно смиряющее вас горькое, но купно и спасительное врачество, что самое вы и сами в письме своем подтвердили, написавши, что во всем уезде ни у кого крестьяне столько не бунтуют, как у вас. И действительно так; ибо вы противу других клеветов своих дворян более от Бога были облагодетельствованы и вразумляемы на дела благая и на все заповеди. А посему раб ведевый и не творяй биен будет много, не столько за настоящую ропотливость, сколько за грехи юности и неведения, за которые хотя и приносилось исповедание и удовлетворение, но, видно, еще неудовлетворительное. Кроме бесчисленных погреш-

ностей, творимых нами всеми членами своего тела, если взять в размышление один свой язык, то сколько им произнесено было зла, хулы на Бога, осуждения на ближних, ропота; насмешек, кощунства, болтовни, брани, божбы и проч., и проч.! И проходит ли в году хотя один день, в который бы мы языком своим не согрешили, забывая о том, что за каждое праздное слово ответ отдадим Богу. Посему Господь Бог, промышляющий о нашем исправлении и спасении, и посылает скорби, от которых человек не только празднословить, но и дельное говорить затрудняется.

Итак, возлюбленные мои страдальцы Христовы, в постигшем всеобщем искушении и смирении возверзите вы печаль свою на Господа Бога и на Пречистую Его Богоматерь, и со смирением и со слезами просите и молитесь о помиловании и заступлении вас и чад ваших, и храните себя от осуждения и зложелания кому-либо каковой-либо беды или напасти; ибо теперешний переворот в крестьянском быте делается Верховною Властью Небесною, а не земною. Как древле Господь Бог освободил людей Своих израильтян от рабства фараонова, так и ныне Тот же Бог восхотел даровать свободу

и нынешним рабам крестьянам. Как израильтяне забыли Бога, спасшего их от фараона, так и нынешние оказались неблагодарнее окаянных жидов, коих кости пали в пустыне. Но придет время, что и нынешние неключимые рабы вспомнят о минувшем, да не воруют.

Много вы в жизни своей испытали различных искушений и неприятностей, но в нынешний год несравненно более. Иные замечают, что высокосные годы не легки бывают; а ныне хотя и не высокосный, но тяжелее бывших высокосных. Даруй, Господи, чтобы с нынешним годом все неприятности кончились и настала бы приятная тишина. Но вам и еще предстоит нелегкий труд, т. е. должно неминуемо отправиться в К-ое имение свое и в Н-ое, хотя и не хочется; ибо если вы не будете заботиться о своем деле, то кто же позаботится? Посему Господь да благословит путешествие ваше, и да благопошлет вам во всем, и в добром здоровье да возвратит вас восвояси, чего от души богомольчески вам желаю.

В завтешний день в Задонске будет совершаться светлое торжество открытия святых мощей великого угодника Божия святителя и чудотворца Тихона. Посему и в св. обители нашей будет совершенно Ему всенощное бдение вместе с праздничною службою. Пошли, Господи, за его святые и всеисильные молитвы избавление от великих бед и зол благонравным и богобоящимся рабам Своим.

12 августа 1861 года

(Из книги писем прп. Антония (1795–1865), старца Оптинского, которая готовится к выходу в свет издательством монастыря Оптиной пустыни)

Знать эту молитву – значит знать всё

...В вопросах веры не так важен рассудок, как вся совокупность душевных сил, уразумевающих эти истины. Так и в молитве важны вовсе не дословный перевод и знание каждого слова, а полнота и совершенство формы, вмещающей все содержимое.

Так вот, когда был этот спор, говорили, что простой русский человек ничего не понимает из того, что слышит в церкви на славянском языке. Один русский писатель, возражая на это, сказал: «Каждый простой русский человек знает молитву Ефрема Сирина, а это значит знать всё».

И воистину в молитве Ефрема Сирина, столь настойчиво повторяемой в наших богослужениях великопостных, если мы всмотримся и вдумаемся в каждое ее слово, раскрывается самое существенное, что надлежит знать нам. И вот, когда ныне мы обращаемся к вопросу, что нам напоминает Святая Церковь в дни Великого поста потребного для жизни и спасения, мы невольно мыслью обращаемся именно к этой молитве.

Господи и Владыко живота моего! – то есть Господи и Владыко моей жизни! Вот уже одно это слово: Владыко жизни моей – оно сразу ставит нас в должное отношение к жизни, в то отношение к жизни, которое совершенно не понятно, совершенно безумно для людей безбожных, которые воображают, что они есть те строители, которым надлежит устраивать и свою жизнь, и жизнь других. Здесь провозглашается совершенно иной принцип, совершенно новая богооткровенная истина, по которой человек исповедует и утверждает владыкой жизни своей не себя как лжецаря, а Господа как Владыку своего. Далее, у этого Владыки Господа человек начинает испрашивать, чтобы Господь и Владыко жизни не дал ему духа праздности, уныния, любоначала и празднословия.

Дух праздности – это дух той внутренней лени нашей, которая объясняется нашей духовной пустотой, это обленение – общее состояние безбожников, ибо они вовсе не живут жизнью духовною, они всегда находятся в состоянии внутренней пустоты, которое, если не заполнять его мирскою мерзостью и суетою, заставляет испытывать страшную скуку и тоску. Ибо если у безбожника отнять светские и мирские развлечения, если отнять то, что кажется чрезвычайно важным, а на самом деле совершенно ни для кого не нужное дело, которое он в большинстве случаев делает вертясь как белка в колесе с утра до вечера, – если все это отнять у него, то ничего, кроме пустого места, в

душе не останется. Но и верующие, уже чувствующие, уже знающие, уже видящие некие проблески начинающейся внутренней жизни, – они страдают этим обленением духовным; когда после малейшего напряжения, малейшего труда в деле молитвы, в деле поста ли, в деле изучения Слова Божия, в деле изучения святых отцов – словом, всего того, что составляет духовную жизнь, им хочется поскорее отдохнуть в привычной мирской суете.

И когда иной раз на духу спрашиваешь человека, кающегося в том, что он не может долго молиться: «Неужели вам не надоела мирская жизнь, неужели вы не чувствуете потребности от нее отдохнуть?», как этот вопрос застаёт человека врасплох!

Так вот эта лень, вот эта праздность! А за нею, как ее родной брат, следует уныние. Ибо как же не унывать человеческому духу, если он уже коснулся, уже требует небесной пищи и вместо этого получает лишь пищу мирскую, непригодную для питания души?

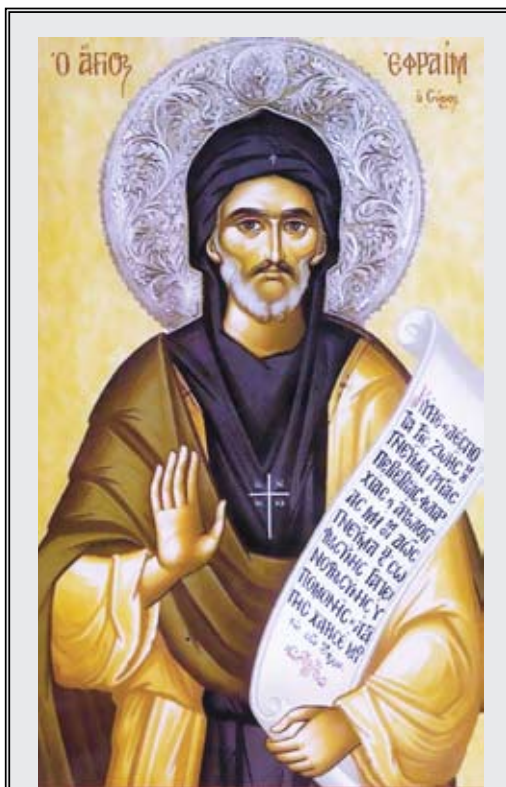
И человек, испытывающий какое-то движение души к высшему, чувствующий, что он уже не может удовлетвориться мирскою жизнью, где люди пьют, едят и все устраиваются и неизвестно, когда начнут жить, – человек этот уже не может так одурачивать себя, чтобы ему эта ни для чего не нужная жизнь казалась зачем-то нужной, и в то же время у него от лени нет сил приобрести то новое питание для этой проснувшейся в нем духовной жизни, и он начинает тогда впадать в уныние: ослабевать, опускать руки.

Любоначание, или властолюбие. Не только цари властвуют над другими, но и самые маленькие люди иногда чувствуют себя царями, одержимые этой отравляющею их страстью владычествовать над другими.

Празднословие – разве мы не утопаем в нем? Разве есть у нас чувство, что за каждое праздное слово мы дадим ответ Богу? Разве мы думаем когда-нибудь, какое таинственное, какое великое дело есть наша речь, наше слово, и разве мы употребляем его именно для того, для чего оно дано человеку, разве мы не разбрасываем его без всякой нужды, без всякой цели с тем легкомыслием, с которым мы проводим всю свою жизнь?

А сквернословие, кощунство, осквернение, опоганивание уст?

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Целомудрие – это есть то, что мы просим у Господа как дра-

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

гоценнейший дар, ибо, может быть, ничем не повинен человек так, как в грехе блуда.

Святые угодники, великие подвижники все силы, данные им, посвящали молитвенному деланию. А мы расточаем их, расточаем с малых лет, с юных лет, а потом иной раз, прожив половину, а то и больше, жизни своей, начинаем чувствовать, какое страшное опустошение произвело в нас это прошлое наше нарушение целомудрия. Желая оправдать себя, человек всячески послабляет столь трудно и без того побораемую в нем страсть, давая утвердиться такому злу, которое вырвать потом бывает не под силу человеку.

Смиреномудрие – смирение, так презираемое в миру. Дьявол восстал на Бога, вообразил себя равным Ему, он был низвержен с небес, он не стал смиренным – он остался исполненным гордости и в своей гордыне дерзнул приступить с искушениями к Самому Господу Иисусу Христу. Этот гордый дьявол царствует в миру: мир весь во власти гордыни, в миру все исполнено самоутверждения, мир поклоняется силе, мир пресмыкается перед силою, мир боится силы, сила в миру ценится как нечто имеющее высочайшее значение. Эта сила, ценимая в миру, – мерзость перед Господом, и такая мерзость, которая в ничто превращает все труды подвижников! Достаточно при самых ревностных подвижнических трудах, чтобы этот дух гордости овладел человеческим сердцем, как все делается бесполезным, все делается ничем, вся жизнь, все труды, все подвиги окажутся не имеющими никакой цены перед Господом. Смирение, предаваемое осмеянию в миру, – оно является одною из величайших добродетелей перед Господом.

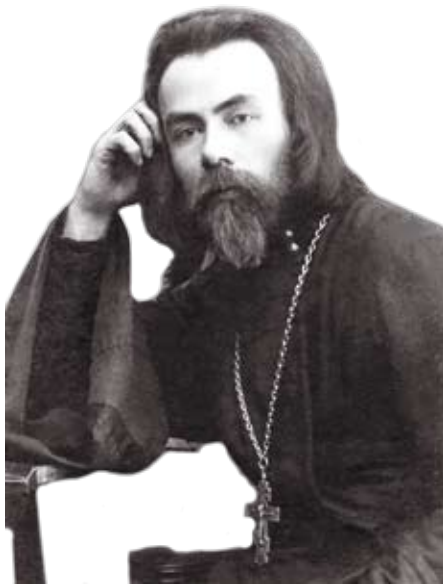
Терпения просит молящийся. Вот в чем мы все так нуждаемся. Прежде всего мы не имеем терпения, проходя наш жизненный путь. Мы до такой степени нетерпеливы, что, если, считая себя богомольными, не получим то, что просим во всех молитвах, ропщем и в полнейшем ослеплении начинаем считать себя как бы обиженными и обманутыми Господом. Мы нетерпеливы в наших болезнях, нетерпеливы в наших скорбях, нетерпеливы в нужде, нетерпеливы во всем, что составляет нашу земную жизнь.

Но не в этом только главное наше несчастье – мы нетерпеливы еще и в духовной жизни.

Приснопамятный иеросхимонах старец Анатолий всегда говорил: «Никогда не торопись».

Мы всегда торопимся в духовной жизни. Нужно так приступить к работе, как будто ты делаешь это дело навсегда. Вот буду до скончания своих дней исполнять молитвенное свое правило – реши так и спокойно продолжай, не считая дней, сколько ты этим занимаешься, не подсчитывай, не пора ли видеть плоды трудов, не смущайся, что ты как будто бы и не видишь, не думай, что ты никуда не двигаешься или не так трудишься; надо вооружиться великим терпением, упованием на Господа в деле духовной жизни – только тогда это приведет к благим благодатным результатам.

И просит далее молящийся *духа любви*.

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Наименование грехов мелких имеет относительный смысл: не убивал человека, не обманул его, не украл у него – словом, не совершил «большого преступления», а грешил грехами мелкими, повседневными, как у всех.

Но мы, верующие, должны иные мерки применять к своим поступкам. Мы должны видеть свою жизнь при свете высших евангельских требований. Вот об этом-то и молится человек, прося, чтобы Господь дал ему силу узреть его прегрешения.

И в заключение: *не осуждати брата моего*. И воистину в заключение! Ибо этот грех до такой степени всеобщ, до такой степени неуловим, до такой степени неискореним, так наполняет душу, что, кажется, нет никаких сил избавиться от него, мы просто захлебываемся в этом постоянном осуждении и злословии друг друга.

...Не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь. Этими словами заканчивается молитва. Вручая себя воле Божией, просматривая всю свою жизнь и прося, чтобы Господь помог отрешиться от всех видов зла и стяжать истинный дух добра, человек произносит восхваление Господу.

Так вот что нам хочет вложить в сердце наше Святая Церковь, когда нам предлагает молитву Ефрема Сирина.

Если бы наша жизнь хоть сколько-нибудь соответствовала словам этой молитвы, как бы тогда вся она изменилась!

Аминь.

Из книги «Монастырь в миру». Том 2, беседа 10

Одно слово – и особый смысл

Отец Георгий Лылов прослужил священником в нашем храме совсем недолго, около года, до этого – два года диаконом. Он заслуживает очень добрых слов, но я сейчас не об этом. Меня поразило, как он читал молитву Ефрема Сирина, точнее – одну строку, еще точнее – одно слово. Произнося «...даруй ми зрети моя прегрешения...», он делал ударение на слове «моя», то есть он просил Господа научить его видеть свои, собственные, личные грехи. Попробуйте сказать так же, и вы сразу поймете разницу с привычным прочтением. Я, например, читаю эту молитву только так, а отца Георгия ежедневно поминаю в молитве об упокоении.

П. Д., прихожанин храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Чтобы полюбить другого, думай: а сам я – какой?

Мой сегодняшний собеседник не совсем обычен. Я могу назвать его другом, хотя он вдвое младше меня. Вернее было бы сказать о нем как о моем подопечном, потому что знаю его с двенадцати лет. Вместе с ним и с его отцом в конце 80-х – начале 90-х мы ходили на тогда еще Советскую площадь – поддерживать молодую российскую демократию. Сегодня Александр Мартинес-Пуэрта работает в полиграфическом бизнесе, близок к окончанию Свято-Тихоновского православного университета, мы часто беседуем на религиозные темы, спорим... Вот я и подумал: почему бы мне не пригласить его к разговору?

Павел Демидов

– Полюбить грешника – это лично для тебя проблема?

– Смотря кто этот грешник. Если это родственник какой-то, близкий, дружественный мне человек, это достаточно просто. Я понимаю: все грешны, я тоже какое-то исключение, стало быть, грешен и тот, о ком я сейчас говорю. Что же, мне из-за этого не любить его? Это же может быть и мой сын, а их у меня трое, и моя мама, сестра, друг...

– В том, что ты говоришь, есть своя логика. А если не сын, не сестра, не друг?

– Если говорить более широко, то есть о человеке вообще, да еще если он тебе неприятен или враждебно настроен, то, конечно, это очень сложно. Помните, вы привезли мне книжку с Афона в подарок от отца Макария? И передали его слова, что мне трудно будет осилить ее. Он оказался прав. Я ее так до сих пор и не одолел. Начиная, дохожу до какого-то места и буксую. Но что успел прочитать – у преподобного Силуана как раз красной нитью проходит мысль, что любить нужно вообще всех. И врагов, которые тебя распинают... Нужно за них молиться, любить. Это, конечно, очень сложно. В теории все понятно и легко.

– Рассуждать всегда легко.

– А вот как это сделать практически...

– Практика – это лучшая проверка теории. Без нее знания мало что значат. Скажи, пожалуйста, любить ребенка, любить жену, друзей, родителей... любить грешника, наконец... Мы все это объединяем единственным словом. Но содержание этого слова применительно к тому или иному объекту любви разное. Тебя это не смущает?

– Честно говоря, всегда смущало. Нелзя любить одинаковой любовью, допустим, детей и родителей, а тем более жену. Не зря об этом говорят и святые отцы, и религиозные философы, да в том же греческом языке есть несколько слов, которые мы переводим как «любовь».

– Все это хорошо. А как все же лично у тебя с этим делом?

– Если говорить о моей семейной жизни... В этом у меня опыт большой, хотя не сказать чтобы положительный. Теперь, с годами, я понимаю, что в обоих моих браках страсти было больше, чем любви. Это было очень сильное стремление завоевать женщину.

– Бунт плоти? Наверное, твои испанские гены. Хотя от тех испанских детей, которых привезли в СССР в 1937 году, тебя отделяют уже минимум два обрусевших поколения.

– И все же голос крови дает о себе знать. Когда я сравниваю себя сегодняшнего с тем, двадцатилетним, я понимаю, что в нашем языке нет слов, которые определяли бы разные... что ли виды любви.

– Если бы тебе предложили подобрать синонимы к слову любовь с учетом ее разновидностей, что ты мог бы предложить? Я понимаю, что стопроцентные синонимы найти невозможно, но хотя бы что-то близкое... Жена, родители, дети, родина, друзья, Господь Бог, наконец...

– К родителям – наверное, уважение, благодарность. Но благодарность я испытываю и к моим женам, хотя мы развелись и расстались...

– А за что же благодарность?

– За то, что у меня есть дети. Если прежде была страсть, сейчас ее сменила благодарность.

– Дети...

– О, тут, по-моему, все очень подвижно. Пока ребенок маленький, он полностью живет одной с тобой атмосферой, мы работаем как бы на одной волне. Но вот он стал старше. В нем начинает проявляться самость.

– У ангелочка, образно говоря, не только крылышки, но и коготки.

Старший сын, Александр, с самым маленьким Мартинесом – Мигелем. На руках у отца – Рауль. Фото из семейного архива. 2013 год

– Вроде того. И вот когда он перестает слушаться, выходит из-под контроля, внутри меня начинает вырастать уже что-то другое... Слово трудно подобрать... Но это уже не та родительская любовь, которую я испытывал к нему.

– Раздражение? Злость?

– Нет, не злость, а вот раздражение – может быть...

– Но это же не чувство. Это скорее состояние, которое приходит и уходит.

– Возможно... Не знаю... Мы сидели вчера вечером, ужинали перед тем, как мне уезжать... Я маме и ее сестре рассказывал о ситуации у меня на работе. Рауль сидел рядом с нами и ел. Я рассказываю о своих проблемах с начальством, и вдруг он в какой-то момент отставляет еду и, расстроженный, уходит. И вот, когда уже собираюсь уходить, подходит ко мне и говорит: «Папа, иди я что-то тебе скажу». И говорит мне уже на ухо: «Посмотри, я тебе в компьютер положил». Смотрю – а там листочки, и на каждом из верхних написано «папа», а на которых ближе к концу – много цифр вперемешку с английскими буквами. Я спрашиваю: «Это что?». Он говорит: «Отдай тому дяде, с которым у тебя плохо». Поверите, я чуть не расплакался... Все, что он мог, он отдал, чтобы у меня наладилось. Я его обнял, расцеловал... Взрослые сидели, разговаривали, а он слушал и думал, что сделать такое, чтобы мне стало лучше.

– Вот тебе и любовь детей к родителям.

– Когда сердце начинает щемить, ты понимаешь, что такое любовь.

– Не зря же Христос говорит: будьте как дети. То есть будьте такими же простыми, ясными. Такой любви хватит и на грешника. Но мы с тобой все же немного не об этом. Мы – о взрослых. И не о своих грешниках, а о посторонних.

– Наверное, начать с того, что проявить к ним жалость.

– Тепло.

– Понимание.

– Еще теплее.

– Но, с другой стороны, в таких ситуациях возникают отрицательные эмоции, и как с ними справиться? Ведь именно они мешают проявить любовь.

– И как тут быть?

– Наверное, полезно вспомнить, какой же ты сам и как милосерд к тебе Господь Бог. Тебя следовало бы уже в порошок стереть, однако ты еще топашь по этой земле. К сожалению, это далеко не всегда удается, чаще вспоминаешь о своей грешности уже задним числом, когда и осудил, и презирал, и отругал другого. Войти в положение, попытаться понять, не оправдать, но понять...

– А может быть, точнее – не осудить?

– Наверное, да: не осудить. Но понять – это и есть, по-моему, не осудить.

– Позволю не согласиться с тобой: можно понять, но при этом и осудить. Возьми притчу о блуднице. За прелюбодеяние ее по Закону следовало побить камнями. Ее привели к Христу, а Он сказал: «Я тебя не осуждаю, иди и впредь не греши». Вот и весь Его суд. Я думаю, что это, наверное, самое главное в любви к грешнику – не осудить. А мы так легко осуждаем... Если человек дает малейший повод, мы обрушиваемся на него с лавиной осуждения. И вот если нам удастся поставить здесь заслон, это будет очень точным исполнением заповеди о любви к грешнику. Не надо выжимать из себя какие-то чувства теплые – это будет фарисейство, неправда. Невозможно испытывать теплые чувства к человеку, которого ты не знаешь или, напротив, знаешь с очень дурной стороны.

– Но я опять вспоминаю Силуана Афонского. Он говорит, что надо любить и врага твоего, и вообще любого человека. А мы не достаем до этого уровня.

– Думаю, что ты слишком прямолинейно толкуешь Преподобного. Уверен: он не ставит знак равенства между любовью к жене, или детям, или родителям и любовью ко всем людям, в том числе и к врагам. Это разные любви, у них разные планки, и потому расти до каждой из них надо по-разному. В этом, в частности, и заключается творческий характер

нашей веры. Это не значит, что любовь к врагам – это любовь второго или третьего сорта по сравнению с любовью к близким. Это – дру-га-я любовь.

– Но мне, например, даже трудно понять иных людей. Скажем, богатый, обеспеченный всем человек – и вдруг завидует чьей-то очень небольшой удаче. Мне это странно, я этого не могу понять. А раз не могу понять, как же могу не осудить?

– Ты, друг мой, допускаешь, мне кажется, методологическую ошибку. Богатство – это понятие количественное. Зависть – это одно из качеств человека. Они никак не могут замещать друг друга, они неслиянны, как, допустим, масло и вода. Между ними нет причинно-следственной связи. Если человек завистлив, не имеет значения, богат он или беден. Поэтому рассматривай качественные стороны человека вне зависимости от его материального статуса. А завистник, о котором ты говорил, это человек заблудший, человек, который губит свою душу. Ладно, это твои сегодняшние нескладухи. А раньше? Ведь с твоей прежней работы тебя никто не гнал. Ты сам ушел. Почему?

– Беда в том, что я – человек очень эмоциональный. Мне тяжело примириться с тем, что моя душа не принимает. Когда я рассказывал своему батюшке о ситуации с тем моим начальником, он посоветовал уйти от него.

– Есть и такой путь. Старцы же говорят: не хули, но и не принимай.

– Я так и сделал. Правда, от чего ушел, к тому же и пришел.

– Так, может, дело не столько в них, сколько в тебе?

– Не знаю, не знаю... Правда, то, что было с тем, первым, со временем как-то стерлось, и я теперь не держу на него зла.

– А надо бы тогда не держать, да?

– Наверное. Но как этого добиться?!

Верите, я даже в чем-то благодарен ему: в общем-то он был первый, кто научил меня профессии, которой я сегодня владею более-менее сносно. Сейчас все в какой-то степени повторяется. И опять та же проблема: как его понять, как не осудить? Пожалеть – еще куда ни шло. Но больше хочется высказать всё, что думаю, но когда представишь, что за этим может последовать... Думаю: будет момент – я тебе выскажу все, и ты узнаешь настоящую правду. Хотя знаю, что пройдет время, уже, допустим, без него, и я опять буду вспоминать и что-то хорошее, а плохое забывать. Я хоть и взрывной, но не злопамятный. Спасибо Господу, что он наделил меня этим качеством, иначе бы вообще труба.

– Предположим, ты видишь в человеке тот или иной грех. Ты мысленно примеряешь его на себя: а как у меня с этим делом?

– Обязательно. Но что интересно – с этим грехом, как мне кажется, у меня все в порядке, то есть он вроде бы во мне не жи-

вет. И начинаешь думать о том, другом: ну как же ты не можешь с этим справиться?! Ведь это так просто.

– А вот старцы говорят: грех, который ты видишь у другого, как раз живет и в тебе тоже. Потому ты его и видишь.

– У меня как-то наоборот получается. Мне кажется, что человек замечает в других то, чего в нем нет, зато есть то, с чем другой легко справляется.

– Это твой семейный опыт подсказывает? С женой ты проходил разные этапы отношений, не так? Сегодня, когда вы уже не связаны браком, ты как к ней относишься?

– Конечно же, осталось чувство благодарности. И сейчас я испытываю к ней сочувствие, жалость. Она не понимает, что делает совсем не то и не так, как надо бы в нормальной жизни. Но она продолжает упорно считать, что все делает правильно. Хотя сама, по сути, развалила нашу семью. Я тоже, конечно, не сахар, и вины с себя не снимаю. Но пойти на такой радикальный шаг была, вот вам крест, не моя инициатива. Я смотрю на ее фотографии пятилетней давности: всё было другое – глаза, волосы, выражение лица... Куда всё делось?..

– Но ты ее за это не осуждаешь? За то, что развалила семью? За неправильную линию жизни?

– Честно скажу: осуждаю. Потому что это сказывается на детях. Она не понимает, что дети оказываются заложниками ее образа жизни, ее поведения, ее настроения. У меня не получается не осуждать. Если бы это не сказывалось на детях, я бы, наверное, относился иначе: ты сама выбрала – и живи как хочешь.

– Тогда, наверное, можно было бы обходить многие острые углы, верно? А как вообще ты относишься к компромиссу ради мира и спокойствия? Или считаешь: есть правда – и надо идти только вперед? Это ведь тоже форма проявления любви.

– Думаю, такой компромисс предпочтительнее, хотя мне, честно говоря, это не всегда удается. В таких случаях я очень ясно вижу, как начинаю себя смирять. Не знаю, как там было много-много лет назад, но сегодня я вижу, как мы порой и ближних своих не можем любить. Не можем выстраивать добрые, теплые отношения с братьями, с сестрами, с женами, с детьми... Иногда просто разводишь руками: отчего всё так?

– Ты сказал важную вещь. Когда ты выстраиваешь с кем-нибудь отношения, ты при этом думаешь: а я сам – какой? Это, наверное, очень продуктивный путь к искусству любить. Не только близких, но и дальних. Не только праведных, но и грешных. Давай не будем сворачивать с этого пути. Да?

– Конечно! И да поможет нам Господь Бог!

– Аминь!

Скажите, пожалуйста...

 Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...	<i>Илья</i> фотограф	<i>Галина Дигтяренко</i> журналист	<i>Михаил</i> мастер на все руки
			
С чем прежде всего у вас ассоциируется слово «любить»?	С Господом.	Я бы сказала иначе – не «с чем», а «с кем». У меня слово «любить» ассоциируется прежде всего с Иисусом Христом.	Если это не игра в ассоциации, то, наверное, – иметь в сердце того, кого любишь.
Не кажется ли вам, что различные проявления любви (супружеской, к детям, к природе и т. д.) должны бы и называться разными словами?	Вообще-то, в греческом они называются разными словами. Они есть, а в русском, наверное, нет.	Думаю, что такое возможно. В греческом языке различные проявления любви обозначаются разными словами.	Иногда кажется, иногда нет. Этот вопрос о проявлении любви.
Какие синонимы вы подобрали бы к слову «любить»?	Себя отдавать, служить.	Жертвовать собой.	Любовь – это все-таки не что, а кто, – как кто-то для кого-то может быть синонимом? Разные проявления любви должны называться разными словами.
Приходилось ли вам испытывать чувство вины за то, что, ненавидя грех, вы при этом не любите грешника?	Да, приходилось. Я грех ненавижу, но грешников не то что не люблю... Может, любить их не могу. Надо бы отделять грех от человека, но не очень получается.	Приходилось.	Наверное, да.
Почему так трудно не переносить отношение ко греху на того, кто этот грех совершает?	Думаю, это вопрос тренировки: если ты постоянно думаешь об этом, стараешься, то, наверное, научишься. А сначала грешник и грех всегда будут «два в одном».	Наверное, потому что мы сами грешные.	Наверное, потому, что это не я, а кто-то другой. Себя, любимого, мы почему-то не ненавидим за грехи, а ищем оправдание, объяснение и все такое прочее. Думаю, дело именно в этом.
Назовите хотя бы один пример евангельской любви к грешнику.	Христа спросили: почему Ты с грешниками сидишь? Он ответил, что не здоровые нуждаются во враче, а больные, Я пришел спасти не праведников, но грешников.	Иисус Христос умер за всех грешников. Думаю, этого примера достаточно. Но вспоминаются еще: притча о блудном сыне; женщина, которую застали в прелюбодеянии и хотели побить камнями...	Все Евангелие состоит из этих примеров. На каждой странице. А если по жизни – батюшки, которые нас исповедуют: чего только они о нас не узнают, но не перестают нас любить.

<u>Галина Николаевна</u> пенсионерка	<u>Анна Владимировна</u> <u>Петрова</u> шивая-мотористка	<u>Александр</u> тренер-инструктор по единоборствам	<u>Анна Корнеева</u> сотрудник технической лаборатории
			
С близкими, родными людьми, с Родиной, с природой.	Если ты жертвуешь собой, значит, ты любишь. Господь пожертвовал Собой ради людей, потому что Он их любит. Так что любовь у меня ассоциируется только с жертвой.	С переживанием прежде всего. То, что я переживаю за близких, родных. Поэтому, если ты любишь, значит, переживаешь.	С чувствами, возникающими между мужчиной и женщиной, приводящими к ощущению счастья.
Нет. Потому что чувство любви, вне зависимости от того, к кому ты его испытываешь, имеет одну природу.	Да, должны. Это значит – придумать новые слова? Но я не знаю, возможно ли это сделать и кто мог бы.	Нет, не кажется. Принцип-то один, а это же детали. Основное – это, наверное, любовь к семье и в семье, как смысл нашего существования. А остальное – это следствие, от этого исходит.	Нет, в русском языке достаточно слов для придания более конкретного смысла этим проявлениям.
Желать добра, поддерживать, защищать, жалеть.	Творить добро, жертвовать собой ради ближнего. Нет, я всех людей стараюсь любить. Я не обращаю внимания, какие они.	Я бы сказал: переживать. На первый вопрос я же ответил, что любовь у меня ассоциируется с переживанием.	Влюбляться, заботиться, жертвовать, страдать, умиляться, радоваться, благожелать, благодарить.
Очень часто.	Да, и не один раз. Чаще всего бывает так: человек согрешил – и ты его осуждаешь. А только потом спохватываешься, что надо было грешника пожалеть, простить. Но уже сам согрешил осуждением.	Да, конечно. Я бы сказал, это даже хорошо. Потому что сразу начинаешь смотреть на себя: а какой ты? Это чувство вины перед другим человеком помогает критически посмотреть на себя.	Чувства вины нет, хотя осознаю, что грешника не люблю. Это ощущение есть.
Когда человек служит греху, является его орудием, он соединяется с ним, и очень трудно эмоционально отделить одно от другого.	Потому что осудить всегда легче, чем простить. Ведь мы тем самым и свою гордыню тешим: я, мол, не такой, как он. А вообще-то, надо на себя смотреть прежде всего, на свой внутренний мир.	Теоретически все ясно: ненавидеть грех, но любить грешника. А доходит до практики, теория куда-то уходит, а приходит раздражение, осуждение. Думаю, что причина в нашей гордыне.	Потому что это происходит незаметно: отношение к поступку как бы соскальзывает на отношение к человеку, совершившему его. Я бы сказала даже: плавно переходит. А это вредно и ему, и мне.
Все Евангелие пронизано этой любовью. Одно то, что Христос пришел спасти людей, – лучший пример. И что, умирая на Кресте, открыл раскаявшемуся разбойнику путь в Царство Небесное.	Я много примеров могу назвать. Хотя бы: когда Господь исцелил человека, который 38 лет не мог окунуться в Силоамскую купель, чтобы излечиться; или: вопреки всем не стал осуждать блудницу.	Сразу вспомнились слова Христа, что Он пришел не к праведникам, а к грешникам. Но при этом Он никого из грешников не осудил. Он только говорил: иди и впредь не греши. А так может говорить только любящий.	Христос громко, чтобы слышали все, сказал мытарю Закхею, что намерен прийти к нему домой. При этом Он знал, что мытарей – сборщиков налогов и податей – не любят и стараются с ними не общаться.

...Но они все равно нас любят

Ачинск. Богородице-Казанский кафедральный собор

Традиционно русские православные люди привыкли обращаться за помощью к очень известным и почитаемым святым, таким как святитель Николай Чудотворец, святой великомученик Пантелеимон, преподобный Серафим Саровский, преподобный Сергей Радонежский и многие, многие другие. С одной стороны, это очень хорошо и правильно. С другой – выказывая любовь к общеизвестным небесным светочам, мы забываем, а порой и ничего не знаем о тысячах иных праведников, о своих святых земляках, которые подвизались где-то тут, рядом с нашим домом, деревней, краем, и теперь, находясь в Царствии Божием, тихо молятся о нас Богу.

Мы их не просим, мы их не знаем, не совершаем им служб, не почитаем их, но они все равно любят нас, своих земляков, и ходатайствуют за нас, за нашу малую родину, за землю, на которой родились или подвизались.

По этому поводу есть один очень интересный пример, произошедший с преподобным Петром Афонским. До своего ухода в монастырь он попал в тюрьму и молился там об освобождении святому Николаю Чудотворцу. Однажды Святитель явился к нему вместе с праведным Симеоном Богоприимцем и сказал: «Молись вот ему, проси у него помощи, он сильнее меня, он тебе поможет». – «А кто это?» – спросил Петр. «Это святой Симеон, который держал на руках Мла-

денца Иисуса». Петр послушался и стал молиться святому Симеоноу Богоприимцу и даже дал слово уйти в монастырь, если освободится. По молитвам старца Петр вышел из тюрьмы и сдержал слово – стал монахом.

Таких примеров много. Фактически в каждом городе и крае нашей родины есть свои блаженные праведные Матронушки и Ксении. И, наверное, сейчас, как никогда, важно знать историю своей родной земли, изучать жития тех святых, которые подвизались и прославились на ней, не забывая, конечно, и про Николая Угодника, Сергия Радонежского и иже с ними.

Хотелось бы рассказать о святом праведном Данииле Ачинском, кото-

рый в далеком XIX веке совершал свои аскетические подвиги во славу Божию в енисейской земле. В свое время старец был очень почитаем в Сибири, но годы безбожия уничтожили память о нем. Лишь в 1999 году его прославили в Красноярско-Енисейской епархии как местночтимого святого. Но, к сожалению, и сейчас его имя на слуху у очень малого числа верующих.

Родился Даниил Ачинский 12 декабря (ст. ст.) 1784 г. в селе Новые Сенжары Кобелякского уезда Полтавской области. Отец его Корнелий Делие¹, казак по происхождению, в раннем возрасте лишился рассудка, поэтому все заботы о семье легли на мать – Агафью Делие, добрую хозяйку и христианку. Даниил вместе с братом Иваном занимался земледелием, помогая матери.

В 1807 году забрали Даниила в армию, сначала в ратники, потом в артиллерийские войска, где он смог обучить-

¹ Делие – это настоящая фамилия Даниила Ачинского; в некоторых советских источниках он значится как Делиенко, но это неверно.

ся грамоте. В Отечественную войну участвовал в боях против Наполеона, сражался под Бородином. Своим родным Даниил рассказывал, что на Бородинском поле к его орудию было прикреплено восемь солдат, а после сражения осталось только двое, в том числе он сам. Таким кровавым для России было это сражение. В 1820 г. Даниил Делие получил звание унтер-офицера и исполнял обязанности каптенармуса. Его ждала успешная военная карьера, но он решил оставить службу...

Приезжая навестить родных, будущий старец много молился, читал духовные книги, рассказывал близким их содержание, просил всегда пребывать в православной вере. Эти упражнения в духовной жизни, а также пережитые ужасы войны родили в нем стремление послужить Богу. Он желал удалиться от суеты и непостоянства мира, чтобы жить в уединении и подвижничестве.

Однажды, расставаясь после побывки с родственниками, Даниил сказал: «Прощайте. Более не ожидайте моего прихода...». Вернувшись в часть, он стал просить начальство отпустить его в монастырь либо в пустынь, но его просьбы понимания не нашли. И тогда Даниил покинул армию самовольно.

В 1822 году артиллерийская батарея, где служил Даниил, остановилась в местечке Решетиловка, откуда должна была двинуться в поход против турок. Вот там-то Делие и решился на побег. Когда его брат Иван приехал повидаться в Решетиловку, то Даниила не застал и стал выяснять, где бы он мог быть.

А находился в это время Даниил Делие близ знаменитого хутора Диканька, того самого, о котором писал Н.В. Гоголь. Двоюродная сестра братьев Делие случайно увидела там Даниила, но он уклонился от разговоров. Жил он тогда отшельником в лесной пещере, где, можно считать, и началось подвижничество ачинского старца.

Через год, 9 июня 1823 года, он был осужден за «намерение удалиться от военной службы для пустынножительства» и отправлен по этапу в Сибирь. На суде в свою защиту старец произнес такие слова: «Лучше согласен получить смерть, чем оставить оное намерение».²

² Цитируется по книге: «Тихий свет Зерцал», составленной Валентиной Май-

Сохранилось небольшое описание внешности праведного Даниила – таким он предстал перед судьями: «Лицом чист, волосы на голове, бороде, усах черные, глаза карие»³. Ростом он был 2 аршина и 44,8 вершка, что в современном измерении составляет 162 см.

В Томской каторге старец получил пожизненные работы на Боготольском винокуренном заводе. Днем работал, ночью стоял на молитве, за что впал в немилость к местному приставу, который издевался над смиренным человеком самыми изощренными способами.

Как-то лютой зимой пристав приказал раздеть его догола, посадить на обледеневшую крышу и обливать холодной водой. При этом кричал снизу: «Спасайся! Ты же святой!». Но заболел после этого случая сам мучитель, а не праведник. Болезнь была настолько тяжелой, что пристав раскаялся и стал просить Даниила помолиться за него. По молитве святого человека надсмотрщик выздоровел и вытребовал для Даниила освобождение от тяжелых работ.

Получив свободу, Даниил Делие поселился в маленькой келье одного богобоязненного купца в городе Ачинске, что в Красноярском крае. Пост, труд, непрестанная молитва – вот чем была наполнена там его жизнь. Спустя несколько лет старец Даниил переезжает в деревню Зерцалы, находящуюся в семнадцати верстах от Ачинска.

Он селится в келье размером с гроб. В «Енисейских епархиальных ведомостях» за 1887 год, дошедших до нашего времени трудами красноярских краеведов, сообщается, что келья углублялась в землю «на шесть четвертей, длина и высота ее составляли по два аршина, а ширина –

стренко (Красноярск : Енисейский благовест, 2006), с. 31.

³ К сожалению, советская власть не пощадила памяти о праведном старце и большинство источников, свидетельствующих о его внешнем виде, жизни и подвигах, уничтожено. Сохранить удалось лишь крупницы. В частности, это описание внешности старца приведено в книге протоиерея Василия Касьянова «Сказание о жизни и подвигах в Бозе почившего старца Даниила», изданной в Санкт-Петербурге в 1871 году. Единственный экземпляр книги бережно сохранен красноярскими краеведами, собирающими сведения о своем прославленном земляке.

Зерцалы его души

только 12 вершков (60 см. – Н. П.). В одной из стенок келии была устроена маленькая печь, а в другой было оконце не больше вершка».

Для борьбы с плотью старец носил берестяной пояс, который со временем врос в его тело, а также железные вериги и обруч. Незадолго до смерти он снял их, объяснив это так: «Тело мое привыкло и не чувствует от них болезни, но тогда только подвиг бывает полезен, когда носит обуздание телу. Пусть лучше говорят обо мне люди: “Даниил нынче разленился”. Это будет для меня лучше, чем похвала».

Святой Даниил всеми силами пытался избежать славы земной, хотя людей к нему приходило много – кто за мудрым советом, кто за благословением, а кто-то и просто взглянуть. Один только вид подвижника действовал так на человеческие души, что даже материальные грешники начинали каяться.

«Тело его было, как восковое... лицо приятное и веселое, с малым румянцем... Все разговоры и слова его были растворены слезами и любовью так, что без слез почти не мог ничего говорить... Он имел такую благодать, что, только кто его увидит, весь изменится, хоть бы и закоснелый был грешник, вдруг зарыдает и признает свои грехи и просит наставления брата Даниила, так он велел себя называть...».⁴

⁴ Инок Парфений со Святой Горы Афон «Сказание о жизни и подвигах в Бозе почившего старца Даниила, подвизавшегося в Сибирской стране, в Енисейской губернии, в пределах города Ачинска, и скончавшегося в Енисейском Христорождественском женском монастыре 15 числа апреля 1843 г. при игумении Евмении», 1855 г.

Сохранилось свидетельство о старце одной из старожилов деревни Зерцалы, ныне почившей, Таисии Лукиничны Захаровой: «Долго он у нас жил, вдовушкам помогал, которые хорошие. Пойдет ночью, серп возьмет, нажмет да и поставит суслон. Святой человек был, о себе не думал. Огурчик ел, и обязательно кожуру чистил, а картошечку нечищеную ел... И сбывалось что говорил. Вот пойдут женщины в воскресенье по ягоды. А он им: “Не ходите, ведь сегодня праздник – воскресенье”. – “А мы помолились”, – скажут в ответ. Принесут ягоды, поставят, а там черви.

Свекр рассказывал, как на Ильину пятницу двое сгорели в зарослях, а Даниил предупреждал, что будет гроза. Просил не идти – не послушали, сгорели. Очень просил в божественные дни не работать, а молиться. Это у меня в памяти... Долго он у нас жил. Он же из сосланных. На Красной речке на заводе работал, издевались над ним там, а потом отпустили на все четыре стороны, вот он к нам и пришел. Говорили, будто он уж после кончины помогал этот храм строить (храм во имя Даниила Столпника рядом с кельей старца, разрушенный впоследствии большевиками. – Н. П.), кирпичи таскал; что целая бригада за день сделает, то он за ночь...».⁵

В январе 1843 года старец переселился из Зерцал в город Енисейск. Его духовная дочь настоятельница Енисейского женского монастыря⁶

⁵ Свидетельство взято из книги «Тихий свет Зерцал», с. 58–59 (подробнее о книге см. сноску выше).

⁶ При старце Данииле Енисейский женский монастырь назывался Христорождественским, потому что главная церковь была во имя Рождества Христова. В дальнейшем монастырь был переименован в Иверский, так как и храм стал Иверским. Храм не сохранился, на его месте в советское время была построена школа. А монастырь был возвращен верующим

игуменя Евмения (Старикова) сестрами вырыла старцу келью в виде подвала на территории монастырского огорода. В этой келье и провел подвижник последние месяцы своей жизни.

15 апреля 1843 года старец позвал к себе священника (это был протоиерей Василий Касьянов из Христорождественской монастырской церкви) и исповедовался ему в последний раз. Впоследствии батюшка вспоминал: «Что это была за исповедь! Что за исповедь! Что за искренность! Что за смирение! Что за умиление! Ах, как бы поболее давал Господь таковых исповедников».⁷ После исповеди святой Даниил причастился, а днем того при губернаторе Красноярского края Александре Лебеде.

⁷ Протоиерей Василий Касьянов. Сказание о жизни и подвигах в Бозе почившего старца Даниила. – Санкт-Петербург, 1871 (подробнее о книге см. сноску выше).

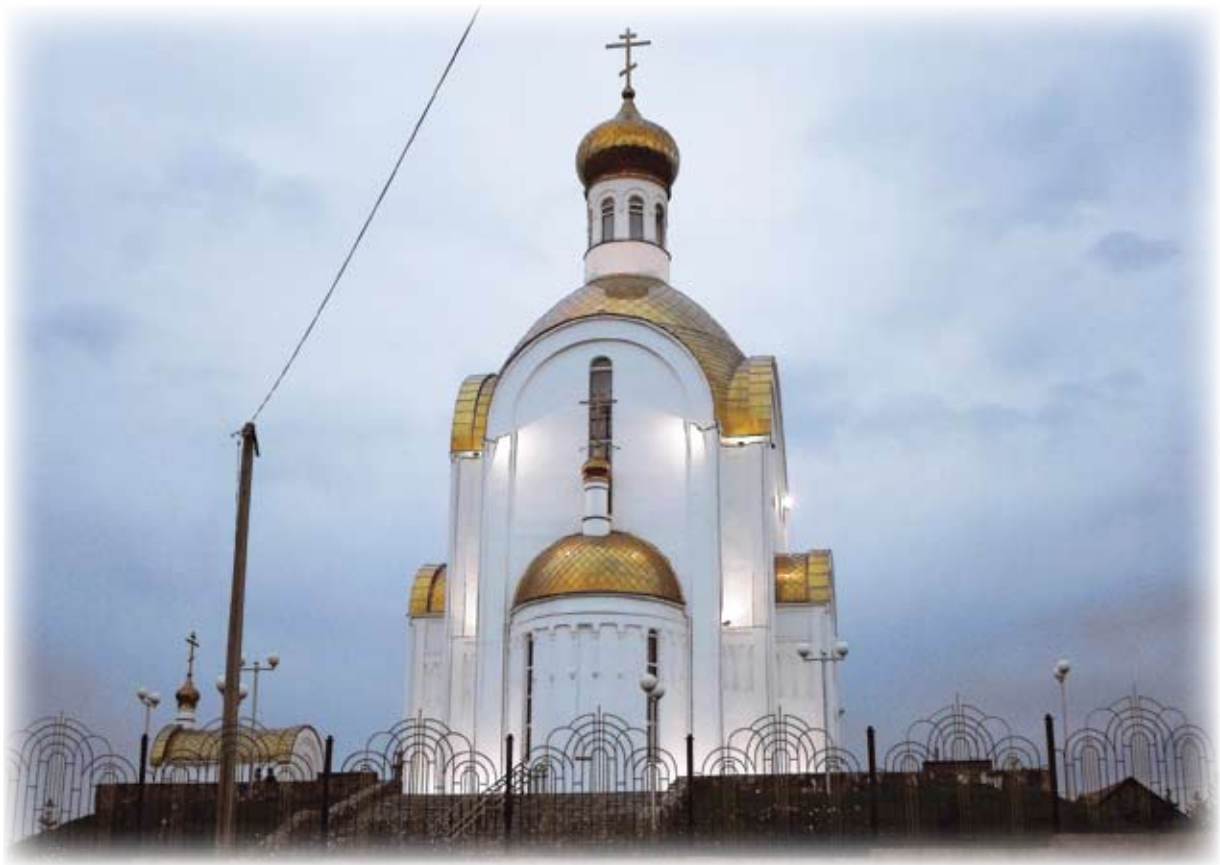
же дня, прочтя отходную и стоя на коленях, отошел ко Господу, при этом на лице умершего сияла живая, радостная улыбка.

Праведник был похоронен тут же, в Иверском монастыре, рядом с Христорождественским храмом, в 1860 году над его могилой воздвигли часовню во имя Даниила Столпника, небесного покровителя старца, а в Зерцалах – церковь. Часовня и храм стали местом паломничества многих тысяч людей, которые приезжали к благочестивому старцу за утешением и помощью, много чудес явил по смерти своей этот праведник.

Так, в 1910 году по молитвам к старцу удалось исцелить дочь отставного надворного советника Александра Сапожкова. Тридцатилетняя женщина была сумасшедшей, ее содержали подальше от людских глаз и не пускали на улицу. Родные посоветовали отцу попросить в Иверском монастыре покров Даниила Ачинского. Покров с молитвой возложили на могилу святого, а потом накрыли им болящую. Женщина уснула, проспала целые сутки, а проснулась в здравом рассудке.

Есть свидетельства чудес и современных жителей Зерцал. Так, в книге «Тихий свет Зерцал» приводится рассказ Сусанны Александровны Самсоновой (одна из старожилов деревни, скончалась в 2003 году). Она свидетельствовала, что ее подруга Галина от рода была слепой. Ее родители, очень верующие люди, постоянно молились старцу. Они брали песок с его могилы, пропускали через него воду и омывали глаза дочери. И она прозрела...

К сожалению, советская власть сделала все, чтобы стереть из памяти людей этот светильник веры. 1 мая 1920 года мощи святого Даниила были вскрыты и выставлены для обозрения, после чего след их теряется. В тот же день снесли и часовню во имя Даниила Столпника. По сей день точно не

Храм-часовня Даниила Ачинского

известно, где были перезахоронены мощи старца.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов красноярские православные краеведы предприняли попытку найти мощи старца, но очевидцы кощунственных действий борцов с религией, еще жившие на тот момент, указывали на самые разные места перезахоронения.

Однако память о старце жива, и в Енисейске, и в Ачинске, и в Зерцалах. По крупицам то тут, то там всплывают предметы и свидетельства, связанные с жизнью и смертью скромного подвижника. Вот как рассказывают об этом сами краеведы:

«В 1999 году нашли мы лишь осколки Данииловой часовни, когда обследовали крутой берег речки Мельничной (“старинность” их подтвердили местные реставраторы). Казалось, что ничто уже о нем не напомнит, и вдруг в 2000 году, вскоре после прославления праведного Даниила в Красноярско-Енисейской епархии местнотимым святым, город Енисейск обрел бесценное сокровище – изъеденную временем надгробную плиту с Данииловой

могилы... Поразила дата его рождения – 1784 год. Уцелела на плите и дата смерти – 1843-й. Сохранились на ней и слова о том, что старец Даниил “подвизался в у единенной молитве в Ачинске и в Зерцалах...”».⁸

В том же году надгробная плита с могилы святого Даниила была перенесена в Успенский храм Енисейска и положена под иконой старца. К слову нужно отметить, что у иконы старца тоже есть своя история.

Это была первая икона Святого, созданная после революции 1917 года. Написал ее в 1989 году иерей Успенского храма Александр Васильев. В дальнейшем енисейский художник Анатолий Лебедев сделал еще одну икону Даниила Ачинского для Успенского храма. Другая жительница Енисейска написала икону старца для храма Георгия Победоносца в Мотыгино. Таким образом, с именем Святого в Енисейске стало возрождаться иконописное дело.

Все верующие, приезжающие в Енисейск, почитают за радость при-

коснуться к надгробной плите святого праведного Даниила Ачинского, постоять у его икон, подумать о своем, помолиться... Своими впечатлениями делится главный редактор журнала «Енисейский благовест» Валентина Майстренко: «Прикоснулась и я, зайдя в Успенский храм. И, удивительное дело, очень не хотелось от нее отходить, удерживает тихое веяние благодати. Так медлили и не желали расставаться с благодатным старцем его многочисленные посетители».

Вот так и наступил час прославления святого праведного Даниила Ачинского. «Прости, святой старче, мы не знаем, где мощи твои, – говорил в одной из проповедей настоятель Успенской церкви протоиерей Геннадий Фаст, – но мы знаем, где праведная душа твоя! Она – среди небесных молитвенников за землю русскую».

Святой праведный Данииле, моли Бога о нас!

*Подготовила публикацию
Наталья Прохорова*

⁸ «Тихий свет Зерцал», с.39–40 (подробнее о книге см. сноску выше).

Ясно как Божий день К выходу новой книги протоиерея Андрея Ткачева

Не ошибусь, если скажу: я прочитал все, что вышло из-под пера отца Андрея Ткачева и было опубликовано. Не берусь рецензировать хотя бы потому, что для этого потребовалось бы куда больше площади, чем может предоставить наш журнал. Есть и еще причина: те, кто знаком с творчеством этого яркого, нетрадиционно мыслящего проповедника, обладающего столь же ярким писательским талантом, едва ли нуждаются в чьих-то оценках; а те, кто в силу каких-то причин не знают, кто такой протоиерей Андрей Ткачев, заслуживают сочувствия, и хочется пожелать им как можно скорее восполнить этот пробел своего религиозного и культурного пространства.

Но вот передо мной только что выпущенная совместными усилиями двух издательств — «Воскресение» и «Эксмо» (оформление) — книга отца Андрея «Наше время», и пройти мимо этого со-

бытия было бы в корне неправильно. Почему — попробую объяснить. Эта книга не похожа ни на одну из написанных отцом Андреем прежде; скажу больше: она (во всяком случае, по мне) не похожа на книги других авторов, пишущих, как и он, на религиозные темы. Ее главное отличие в том, что она потрясающе проста. Проста как в постановке вопросов, так и в их объяснении и толковании. Проста в том, как излагаются советы и ответы. И это при том, что тематический диапазон чрезвычайно широк: здесь и сугубо богословские и философские вопросы — воля Божия, Церковь, литургия, душа, цивилизация... и вполне земные — отдых, блуд, спорт, труд, семья... В список тем, приведенный в конце, внесены тридцать три понятия с указанием соответствующих страниц, что очень облегчает работу с книгой. Да, именно так: эту книгу мало

читать — с ней нужно работать, как с трудом энциклопедического толка.

Ясность и простота, с какими написана книга, сегодня встречаются не так уж часто, и требуется, на мой взгляд, смелость, чтобы решиться на такой подход, не испугавшись упрека в примитивизме. Вот, например, цитата: «Когда кругом грязь, то тот, кто видит ее, тоже начинает распространять грязь». Или: «...трудолюбивый, трезвый, честный человек — это украшение земли. А лентяй, живущий чужими трудами, — это раковая опухоль». Какие, казалось бы, здесь «америки»? Все ясно как Божий день. Именно! Но почему же, если все так ясно, мы чаще всего этому не следуем, а поступаем вопреки? Вот об этом-то как раз и говорит отец Андрей. И говорит тоже ясно как Божий день. Чтобы было понятно, наконец, всем и каждому.

П. Д.

Цитаты из книги отца Андрея

Человек — это не факт. Это — задача. Он рождается как великая возможность — и часто живет в качестве печального разочарования.

Книга Промысла Божия. В силу нашей невнимательности к жизни человек не замечает постоянного, смотрящего ему в затылок внимательного взгляда Того, Кто любит его.

Мы погружены в цивилизацию, и дела рук человеческих заставляют нас сомневаться в делах рук Божьих.

У мира есть Творец. Господь имя Ему. Эта простейшая мысль нуждается сегодня в глубоком внедрении в сознание человека. А человек противится этой мысли. Он Богу молится, но на самом деле уверен, что он сам хозяин жизни.

То, что человеку кажется мертвым, живет. Сами себе мы кажемся живыми, но об этом можно поспорить.

Давайте полюбим чистоту, потому что чистюля имеет естественное притяжение к чистоте высшего порядка.

Нужно, чтобы у дверей каждого счастливого человека стоял некто с молоточком и стуком в дверь напоминал счастливцу, что мир продолжает страдать и многим нужна помощь. Счастливым обаян быть сострадательным.

Нынешний ребенок — это сплошь и рядом «домашний бог». У него даже в сознательном возрасте нет ни труда, ни материальных сложностей, ни малейшей

ответственности. Он знает только удовольствие, сладости, капризы.

Если вы дадите детям творог или сметану, молоко или сыр на бутерброд, в этом нет ничего страшного. Если же в посту вы высвободите время для общения с ними, если вы удалите от них лишнюю информацию, это будет очень хорошо.

Ответственность за мир и за жизнь мира лежит на взрослых. Дети пророчествуют о Христе, но взрослые Христа распинают.

Лишних знаний не бывает — один предмет связан с другими, и если что-то одно хорошо поймешь, то и в другой области знаний будет легче.

Правила честного соревнования требуют смириться, когда в честной борьбе ты оказался слабее. Но если выигрываешь — смирение тоже нужно, чтобы побеждать благородно, не выпячиваясь, не превозносясь, не унижая соперников. Смирение украшает и победившего, и проигравшего.

Добровольно избрать одну из мыслей Божьих для размышления в течение дня — чем не подвиг и не духовный труд?

Ежевоскресное участие всех христиан в литургии — это тот минимум, кото-

рый способен реально сдвинуть в нужном направлении как жизнь отдельного человека, так и жизнь целых христианских стран и обществ.

Современный человек склонен жить на своей родной земле с мозгами туриста.

Начинать почитание книг стоит с внимания к Библии. Библия — королева в мире книг.

У Церкви есть тревога о мире и современном человеке. Поэтому голос Церкви должен звучать всегда. И это великое благо, потому что если она замолчит, то это будет означать, что наступили времена, тяжелее и печальнее которых не было еще от сложения мира.

Великое счастье — видеть вокруг себя многих людей, которые лучше тебя самого. Ты смотришь на них, видишь их лучшими, но не завидуешь, а радуешься. Это тихая красота — созерцание чужих превосходств без зависти!

Вдовый дом и церковь святой Марии Магдалины, или Урок из прошлого для настоящего

Вдовый дом

Истории домов похожи на биографии людей: так же многослойны и многоплановы. Как и в биографии – один выделит одно, а другой – другое, так и, увидев какое-нибудь здание, один человек отметит в нем красивое творение талантливого архитектора, другой вспомнит о том, что в этих стенах его любимый писатель встретил свою главную любовь, а для кого-то важно, что этот дом попал в кадр знаменитого кинофильма.

Внушительного вида усадьба по адресу: Баррикадная улица, дом 2/1, стр. 1. Сегодня в ней находится Российская медицинская академия непрерывного образования. А что здесь было раньше? Вернемся на два с небольшим века назад.

Основатель династии русских архитекторов Джованни Баттиста Жилярди родился в швейцарском селении Монтаньола на территории кантона Тичино. В конце 80-х годов XVIII века он приехал в Россию и начал обширную архитектурно-строительную практику. Его знания и профессиональный опыт оказались чрезвычайно востребованными в бурно развивающейся стране, и он понял, что задержится здесь надолго. Джованни Баттиста становится

Иваном Дементьевичем. В 1775 году в московском местечке Кудрине, по которому сегодня проходит Баррикадная улица, по его проекту строится роскошная усадьба, в стены которой в 1805 году вселяются веселые, беспокойные жильцы – юные учащиеся Московского Александровского мещанского училища и их преподаватели. Свое название оно получило в честь императора Александра I. В нем обучались дети низших сословий – «захудалых дворян, чиновников, разночинцев и мещан», не имевших права поступать в благородные учебные заведения. Пусть и сословная дискриминация, но высшая власть империи все же заботилась о том, чтобы всем своим подданным дать возможность получить хоро-

шее базовое образование, а это уже надежда заработать на кусок хлеба. В том же году в здании усадьбы была освящена домовая церковь в честь святой равноапостольной Марии Магдалины, первой из Жен Мироносиц увидевшей воскресшего Христа.¹

¹ Именно Мария Магдалина возвестила апостолам об этом событии радостным восклицанием: «Видела Господа!». Святая отправилась проповедовать христианство и обошла всю Италию, повторяя свои слова: «Я видела Господа!». Она явилась к самому императору Тиверию, при котором был распят Господь, и подарила ему красное яйцо как символ Воскресения со словами: «Христос Воскрес!». Именно этот эпизод положил начало и поныне живущей христианской традиции – красить яйца к Пасхе. Святая Мария Магдалина подала императору жалобу на прокуратора Иудеи Понтия Пилата, утвердившего смертный приговор Иисусу Галилеянину, оклеветанному иудейскими первосвященниками. Кстати, спустя несколько лет после этой казни Понтий Пилат покончил с собой. Из Рима святая Мария Магдалина переселилась в малоазий-

Мария Федоровна

В старой Москве было несколько церквей, освященных во имя этой Святой. Любопытно, что все они были домовыми – при училищах, больницах, приютах. Храм, о котором идет речь, был освящен в связи с тезоименитством вдовствующей императрицы, матери правящего государя – Марии Федоровны. В кругу членов царствующего дома Романовых Марию Федоровну называли самой трудолюбивой

скай город Ефес и завершила там свой земной путь. В IX веке ее святые мощи были перенесены из Ефеса в Константинополь, а во время крестовых походов увезены в Рим и упокоены под алтарем Латеранского собора. Ее память празднуется 4 августа (22 июля).

женщиной России. После трагической смерти супруга, императора Павла I, Мария Федоровна целиком посвятила себя благотворительности. Она основывала училища, институты, дома призрения (заведения, где заботились о пожилых и больных людях), инвалидные дома, больницы.

Незадолго до наполеоновского нашествия на Россию возникла идея передать усадьбу в Кудрине Вдовьему дому, учрежденному Марией Федоровной, а воспитанников Александровского мещанского училища переселить в новое здание на Божедомке. Училище освободило помещение и переехало по новому адресу, а вот вдовы отпраздновать новоселье не успели из-за войны 1812 года.

Здание на Кудринской площади ожидала одновременно геройская и трагическая судьба. В нем организовали военный госпиталь для русских воинов, в том числе и пострадавших в Бородинском сражении. Командование противника захватило госпиталь и обвинило раненых в связях с партизанским движением. «Цивилизованные» европейцы учинили жестокую расправу: сначала дом расстреляли из артиллерийских орудий, а потом предали огню – в пламени погибло 700 раненых русских солдат и офицеров.

От прежнего дома остались только стены. Однако он успел войти и в литературную историю, посвященную той эпохе, заняв свое место на страницах эпопеи «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. Мимо Вдовьего дома в 1812 году проезжала Наташа Ростова, покидая Москву и свой особняк на Поварской улице.

После войны Доменико Жилярди (сын архитектора прежнего дома) выстроил новое здание, дожившее до наших дней. В 1814 году сюда переехал Вдовый дом, и церковь Марии Магдалины досталась ему в наследство. Под ее сенью Вдовьему дому суждено было прожить здесь до самой Октябрьской революции.

На воротах благотворительного заведения красовался герб Ведомства императрицы Марии с фигурой пеликана, кормящего птенцов из собственного зоба, – символ милосердия. Дом первоначально открывал двери вдовам генералов, старших офицеров и высших гражданских чинов, но на деле сюда принимались даже и солдатские вдовы, если их мужья достигли первого офицерского чина и прослужили в нем не менее десяти лет. Предпочтение оказывалось вдовам офицеров, погибших на войне.

В стенах Вдовьего дома начался самый милосердный благотворительный проект в российской истории – организация службы сердобольных вдов, или первых сестер милосердия. Эта идея возникла у императрицы Марии Федоровны еще в 1804 году, но на практике замысел впервые удалось реализовать в Петербурге лишь в 1813 году. Чуть позже благотворительный опыт Петербурга был перенесен и на московскую почву. Московский институт сердобольных вдов был создан в январе 1818 года. Тогда императрица приказала вы-

брать 12 вдов примерного поведения, которым предложили ухаживать за тяжелыми больными, соответственно обучив их. Затем их направили в Мариинскую больницу, где поставили на дежурства за небольшую плату в должности сиделок и сестер милосердия. Ежегодно 12 декабря происходило торжественное посвящение избранных вдов в звание сердобольных. Принимая присягу, они произносили торжественный обет с такими словами: «Желя... подражать сердоболью... Иисуса Христа, из любви к страждущему человечеству исцелявшему всякий недуг и всякую болезнь... клянусь... что доколе сил моих достанет, употреблять буду все мои попечения и труды на богоугодное служение болящим...».

Сердобольные вдовы переходили под особое царское покровительство. По решению Марии Федоровны они имели знак отличия – золотой крест с изображением иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» и надписью «Сердоболье». Этот знак они носили до конца жизни, даже если по каким-то причинам покидали ряды сердобольных вдов, а после смерти вдовы знак передавался в Опекунский совет. Главный врач Мариинской больницы Христофор фон Оппель, особо опекавший сердобольных вдов и организовавший их службу в клинике, разработал и составил специальное руководство для профильного обучения такой медицинской сестры с рекомендациями, как вести себя с больными и правильно выполнять указания врача. Это было первое руководство по уходу за больными на русском языке. В служебные обязанности сердобольной вдовы входил надзор за порядком в палатах, контроль за раздачей пищи и лекарств, за опрятностью больных и их постелей. За годы развития движения сердобольных вдов его участницы достигли высокого профессионализма и были весьма полезны в больничной практике. Особенно хорошо сестры проявили себя в период Крымской войны (1853–1856), когда 16 сердобольных вдов из московского дома уехали в действующую армию. Институт сердобольных вдов существовал в России до 1892 года и стал прототипом общин сестер милосердия.

Духовная и молитвенная жизнь всех обитательниц Вдовьего дома,

естественно, протекала при домовой церкви. В декабре 1834 года святитель Филарет, митрополит Московский, служил здесь в праздник святителя Николая Чудотворца и в день тезоименитства государя Николая I. Перед торжественным обетом сердобольных вдов он напутствовал их пастырским словом, напоминая о христианской любви: «Попекись утешить и облегчить болящего, чтобы некогда и тебе послано было Провидением потребное утешение и облегчение». Интересно, что церковь Императорского Вдовьего дома была настолько популярной среди московской знати, что на большие праздники в нее пускали только по пригласительным билетам. А в 1854 году здесь служил отец Петр Смирнов, автор известных в Москве учебников Закона Божия, переведенных на многие языки.

Стены Вдовьего дома хранят память о многих известных деятелях русской культуры. В нем прошли несколько месяцев раннего детства замечательного писателя Александра Ивановича Куприна. Мать будущего автора «Поединка», «Гранатового браслета» и многих гениальных рассказов Любовь Алексеевна по отцу была княжеских кровей: род Колунчаковых (Кулунчаковых, Каланчуковых) вел свое начало от ордынского князя Кулунчака Еникеева, жившего в XVI веке, наследственно княжившего в Темникове. 22 августа 1871 года она овдовела. На руках остались сироты: Софье десять лет, Зине – восемь, Саше – год. Поднять детей самостоятельно она бы не смогла, поэтому начала хлопотать о помощи и обивать пороги. Софью удалось определить в Петербург, в закрытый женский институт принцессы Ольденбургской; Зину – в Московский Николаевский сиротский институт. А в феврале 1874 года Любовь Алексеевна с сыном Александром поселились в Императорском Вдовьем доме. Позже о царившей тут атмосфере Куприн напишет в рассказе «Святая ложь»:

«Неслышным шагом проходит он сквозь ряды огромных сводчатых палат, стены которых выкрашены спокойной зеленой краской, мимо белоснежных постелей со взбитыми перинами и горами подушек, мимо старушек, которые с любопытством провожают его взглядом

поверх очков. Знакомые с младенчества запахи – запах травы, пачули, мятного куренья, воска и мастики от паркета, и еще какой-то странный, неопределенный, целый запах чистой, опрятной старости, запах земли – все эти запахи бросаются в голову... и сжимают... сердце тонкой и острой жалостью».

Во Вдовьем доме проводила свои дни и бабушка знаменитых братьев Дуровых. Именно она, как-то отпросившись у настоятельницы, впервые повела внуков в цирк, и первые впечатления остались у них на всю жизнь. Встречая во Вдовьем доме Анатолия и Владимира Дуровых, маленький Куприн буквально немел от восторга: у старшего, Владимира, то воробей из кармана вылетит, то лягушка квакнет, то крыса на плече повиснет. Младший, Анатолий, так изобразит клоуна, как никто не может, крутит сальто, ходит на руках! Пройдет совсем немного времени – и Куприн с братьями Дуровыми будут вместе учиться в кадетском корпусе.

Революция упразднила не только домовую церковь, но и сам Вдовый дом. Его здание было передано Наркомату здравоохранения, и в нем кочевали то Нервно-психиатрический институт, то Институт охраны детей и подростков (интересно: от кого?). Только в 1936 году здесь открылся Центральный институт усовершенствования врачей, в наши дни сменивший вывеску на Российскую медицинскую академию непрерывного профессионального образования. Медицина, профессиональное образование, академия – все это, конечно, звучит красиво и современно. Но имеет ли это отношение к настоящим делам милосердия? Впрочем, это тема уже для совсем другого исследования...

СКРЕПЫ

Милосердие и сострадание – вот чем мы можем уподобиться

Богу.

*Святитель
Иоанн Златоуст*

Марина Захарчук

Помощь дает нам чудесную батюшка наш Серафим

После очередного обследования у кардиологов стало очевидно: нашему сыну, нашему Николаю-Нике, необходима очередная операция. Две предыдущие, одна за другой, были сделаны, когда малышу не было и шести. Прошло почти восемь лет, в памяти живо каждое мгновение тех дней. Тогда верилось: всё позади. Но коварная болезнь выползла снова.

Из больницы выходили подавленные. Как пережить, как выдержать? Ника, правда, держится, но что в его бедном сердце сейчас творится?

...А ночью мне приснился батюшка Серафим Саровский. Я не склонна верить снам и, проснувшись, стараюсь понять, что послужило поводом для сновидения, — чаще всего тут же и нахожу ответ. Но ни накануне, ни в обозримом прошлом я не думала об этом святом, не обращалась к нему в молитвах. Не потому, что я не почитаю батюшку Серафима. Напротив, он — один из моих самых любимых святых, да еще и земляк: я ведь родом из Курска, как и преподобный Серафим; родилась в пасхальную ночь под звон колоколов Сергиево-Казанского собора, того самого, который строили родители отрока Прохора (так звали Преподобного в детстве) и с колокольни которого он упал, но был подхвачен ангелами и поставлен на землю. Уже в наши дни на этом месте долгое время лежал большой камень, в память о чуде, а позже поставили сень и ча-

совню. Недалеко от Сергиево-Казанского собора — Воскресенско-Ильинский храм, где венчались родители Преподобного и где крестили младенца Прохора. А еще чуть подальше — улица, на которой жило это семейство. Однажды Прохор тяжело заболел и был уже при смерти. Как раз в это время совершался ежегодный крестный ход с чудотворной Курско-Коренной иконой Божией Матери (помните картину Репина?). Сильный ливень помешал нести икону привычным путем, крестный ход свернул в боковую улочку и оказался возле дома, где мать молила Богородицу исцелить сына. Заслышав пение, она вынесла ребенка на улицу и положила на землю: чудотворную икону пронесли над больным отроком — Матерь Божия сохранила для России будущего святого. Время не пощадило тот дом, но улица осталась почти такой же. И даже, тщанием митрополита Курского и Рыльского Ювеналия, была переименована в улицу Серафима Саровского.

...Я отвлеклась от своего рассказа, но лишь для того, чтобы стало ясно, насколько близок мне — почти как родственник, ведь мои корни в Курске уходят в глубь веков — батюшка Серафим, под покровом которого я, как и все куряне, жила с детства. А в эти тяжелые дни осознания неизбежного — грядущей (замечу в скобках: очень сложной) операции младшему из наших пятерых детей я почему-то забыла о батюшке Серафиме. Но он обо мне

не забыл! Он сам пришел ко мне во сне, в священнических ризах, улыбающийся и сияющий неземным светом. Что-то говорил мне, но, проснувшись, я не могла вспомнить, что именно. Но на душе все равно было светло и радостно и спокойно. И батюшке Серафиму я снова стала молиться.

А еще через несколько дней мне пришло письмо из... Сарова от неизвестной женщины: «Вы меня не знаете — я Вас знаю по Вашим рассказам в журнале “Лампада” и газете “Благовест”... Чтение журнала и газеты всегда начинаю с Ваших рассказов. Радуюсь за Вас, переживаю за Вас, молюсь за Вас».

Надо сказать, что эти публикации были уже довольно давно. Почему же письмо — и именно из Сарова — пришло сейчас? Да вот же ответ! — в последних строках: «В Саров так просто не приедешь... Если нужно особо о чем-либо помолиться в Сарове или Дивееве — я готова Вам помочь».

Ну конечно, надо бы самим быстренько собраться и поехать хотя бы в Дивеево (Саров до сих пор закрытый, режимный город, паломников туда не пускают), но у нас сейчас — срочные сборы в дальнюю дорогу, в кардиохирургический центр. Успели только в родную Курско-Коренную пустынь съездить (а там тоже встречает батюшка Серафим в скульптурном исполнении Вячеслава Клыкова). А Людмилу (так зовут мою новую подру-

Чаша

Теперь мне уже не вспомнить, по какому поводу мы оказались в том доме. Давно это было — кажется, в самый первый год нашего служения на приходе. Храм наш был тогда единственным на как минимум двенадцать окрестных сел, практически каждый день мы выезжали куда-то на требы, часто тайно, под покровом ночи: многие боялись крестить ребенка в храме, чтобы не лишиться работы, не получить нагоняй по партийно-комсомольской линии, а освящение квартир и домов и вовсе было запрещено гражданскими властями, которые бесцеремонно вмешивались в дела отделенной от государства Церкви. По тогдашнему неписаному правилу священник в ответ на просьбу об освящении дома должен был отслужить в храме так называемый «жилой молебен» и вручить хозяевам пузырек с освященным маслом, чтоб они сами нарисовали этим маслом на стенках жилища кресты. Но, как говорил мой свекор, который тоже, как и его сын, был священником, такое действие сродни заочному обеду: губами шлепаешь, а во рту пусто. Вот и просили люди не отказать поехать к ним домой и сделать все как положено.

Наверное, и в тот раз мы освящали дом. А может, крестили младенца. Или и то и другое вместе, что тоже случалось не-

редко. Не в том суть. Помню, что в доме — большом, новом, красивом — было много таких же красивых, под стать дому, вещей, но только не новых, а, наоборот, старинных. Буфет с резными дверцами, пианино с подсвечниками, а на нем — мраморная головка юной красавицы; напольные вазы, статуэтки на комодах и столиках, изящные стулья и кресла. Наверное, мы все-таки освящали этот дом — иначе бы зачем было ходить по всем комнатам? Дошла очередь до «будуара» хозяйки. Тут, кажется, ничего интересного. Кровать, ковер на стене, журнальный столик. А на нем... Нет, этого не может быть! Не веря своему слабому зрению, шагнула ближе, склонилась. Но еще прежде поняла по лицу мужа — не ошиблась.

На столике стояла Чаша. Самая настоящая церковная Чаша, Потир из алтаря. Потемневший от времени металл говорил о том, что он когда-то давно вмещал в себя Тело и Кровь Христову и неведомый иерей Божий причащал из Чаши своих прихожан. Нет давно ни иерея того, ни храма. Даже имена их разметал ветер безбожного времени. А Чаша осталась. Стоит среди прочих реликвий в этой квартире-музее. А в ней — Господи, помилуй! — до краев, через край небрежно на-

гу) я, конечно, попросила помолиться о нашем сыне. В ответ – посылка. Открыла – не сдержать слез. Полная коробка святыnek: всё освященное в Дивееве и в Сарове. Свечи, ладан, иконка, маслице, освященное у мошей Батюшки, водичка из источника, сувениры, любовно изготовленные руками дивеевских монахинь, конфеты, колокольчик, ложки с гравировкой «Саров», книжечка о святом старце... А вот – просфорки с литургии (да-да, конечно, с той, где молились и о болящем отроке Николае), сухарики, освященные в чугунке батюшки Серафима, и даже маленький носовой платочек, освященный на его мошах, с предупредительной надписью в упаковочном пакете: «Не стирать». Один наш знакомый, увидев этот платочек, хмыкнул: «Умеют монахини делать деньги». Но даже это ироничное замечание не омрачило радости. В конце концов – по вере вашей да будет вам.

Еле дождалась сына из школы: «Ника, тебе батюшка Серафим посылку прислал!». Да и как иначе было расценить этот дивный подарок. Ведь в посылке и письмо от Людмилы. Она писала, что заказала сорокоуст в Дивееве и закажет в Сарове, а главное – «Отстояла литургию в Дивееве. Поклонилась батюшке Серафиму, постояла рядом с его мошами... Батюшка говорил: “Когда меня не станет, приходите ко мне как к живому...”». И я просила Батюшку от своего и Вашего, Марина, имени, чтобы Батюшка помог, помолится за Коленьку. Говорила с ним как с живым: “Батюшка, меня матушка

Марина просила помолиться за сыночка Коленьку, и я приехала к тебе, чтобы передать ее просьбу”. Если Батюшка так говорил, то он обязательно услышит и поможет».

Я еще не успела ответить, как Людмила нашла меня в интернете и предложила новую помощь. Учителя школы, где она еще с советских времен работает преподавателем, узнав о нашей беде, согласились ранним утром, до начала рабочего дня, в одно и то же время молиться об исцелении отрока Николая. Эта молитва по соглашению началась за два дня до нашего отъезда и возносилась из Сарова до тех пор, пока мы не вернулись после операции домой. А пока были в кардиоцентре в Перми (о нем уже был рассказ в «Лампаде»), мы с сыном молились перед купленной в Коренной пустыни иконкой с изображением Курско-Коренного образа Божией Матери и преподобного Серафима. Кстати, операцию Николаю делали 10 декабря, в день памяти икон Божией Матери «Знамение» (в том числе и Курско-Коренной).

А как же нам пригодился маленький платочек, освященный на мошах Батюшки! В первые дни после операции у Ники очень болела грудь. Ведь чтобы сделать операцию на сердце, сначала распиливают и разгибают все ребра. Потом их снова возвращают на место и соединяют металлической проволокой. Послеоперационный шов – от горла до желудка. И все это болит. Нас предупредили: «Будет болеть сильно – обращайтесь, дополнительно введем наркотическое средство». Но мы отказались. Ника сам клал на грудь

маленький платочек от батюшки Серафима – и боль стихала и он засыпал. А если поднималась температура, я наливала в чашку взятую из дома водичку из источника Божией Матери в Курско-Коренной пустыни, добавляла в нее немножко воды из пузыречка из батюшкиной посылочки и окропляла сына.

Мы пробыли в кардиоцентре минимальное для такой операции время. И вот уже обратная дорога, однако и тут не обошлось без искушений. Ночью сыну стало плохо: рвота, температура. Отравился насоро купленной едой? Или что-то с сердцем? В купе жарко, душно: отопление работает на всю мощь. Поезд болтает. Запоздало мелькнуло в окне: «Нижний Новгород». Потянулись леса. Да ведь где-то тут Дивеево, Саров! «Батюшка Серафим, помоги!». Поезд внезапно резко тормозит и останавливается. По расписанию – никакой остановки. За окном – снег и лес. Стоим 15 минут, 30... Однако в вагоне стало легче дышать. Да это же отопление отключилось! А Ника заснул. Стоим. Час, полтора. За окном – на параллельных путях – ремонтный поезд. Слышу: «У локомотива внезапно пропала тяга. Причину не поняли, но наладили, скоро поедем». Николай проснулся: «Меня уже не тошнит». В Москву прибыли с часовым опозданием, но зато поезда до Курска нам почти не пришлось ждать.

Вот и все. Пока – все. Я верю, что у моего сынишки все будет хорошо, он окрепнет, наберется сил и мы вместе поедем к батюшке Серафиму.

брошенная косметика, тушь, помада, какие-то кисточки, щеточки, пилочки.

Когда первый шок – нет, не прошел, но устоялся так, что батюшка смог говорить, он, конечно, объяснил молодой женщине, что это – не просто церковный сосуд, а величайшая святыня, которую не только использовать под склад косметики, но и просто хранить дома грешно, кощунственно, что ее нужно не откладывая передать в какой-нибудь храм, а самой хозяйке дома исповедоваться и получить от священника епитимию. Женщина слушала, не перебивая и не задавая вопросов. Но не поспешила отдать Чашу батюшке. Единственное, что сделала, – высыпала на стол нелепое содержимое.

Так и уехали мы из этого дома. А Чаша – осталась. Мы были молоды, загружены службами, требами и совершенно новой – во всяком случае для меня – обстановкой жизни в деревне. За многими другими яркими эпизодами приходской жизни этот вскоре забылся. Надолго. Но не навсегда. Все чаще вспоминается мне тот прикроватный столик и Чаша Жизни, наполненная тленом. Что могли мы сделать в то время, когда священник находился на линии огня, под прицелом недремлющего атеистического государственного ока: шаг влево, шаг вправо – без предупреждения! Что мог – сделал: объяснял, убеждал.

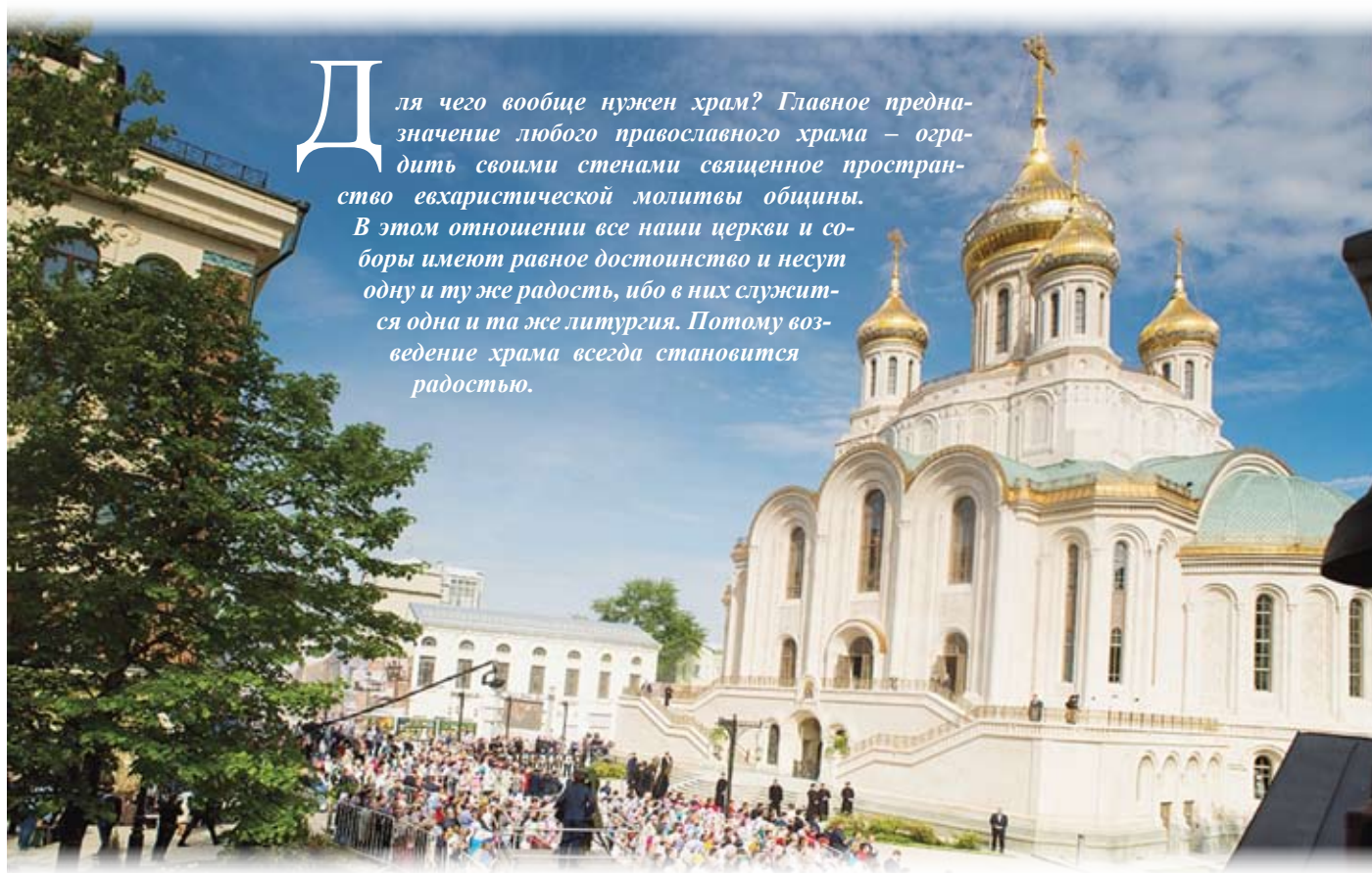
Прошло тридцать пять лет. Болит душа.

Это и не та Чаша и не тот дом. А вот батюшка тот же – протоиерей Лука Захарчук

Покаяние. Напоминание. Предупреждение

Для чего вообще нужен храм? Главное предназначение любого православного храма — оградить своими стенами священное пространство евхаристической молитвы общины. В этом отношении все наши церкви и соборы имеют равное достоинство и несут одну и ту же радость, ибо в них служится одна и та же литургия. Потому возведение храма всегда становится радостью.

Но бывает, что храм также является особый духовно-исторический смысл, открывая ту или иную идею, заложенную его строителями. И тогда уже дом молитвы получает дополнительное значение, становясь зримым символом, осуществившейся мыслью, путеводителем по дорогам христианской историософии. Именно таким знаковым явлением в жизни России и Русской Православной Церкви предстает новый храм Сретенского монастыря, освященный в честь Воскресения Христова и Новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Прежде всего собор расставляет важные смысловые акценты в истории прошедшего века, что крайне важно, ибо без верного понимания своего прошлого у народа нет будущего. Храм Новомучеников и исповедников на Лубянке — это покаянный акт, напоминание, предупреждение.

Покаяние заключается в нашем отношении к тому, что случилось в XX веке с нашей страной, с нашими предками. Да, мы не можем каяться за других людей. Но мы способны плакать о преступлениях тех, кто пережил тогда глубочайшее

духовно-нравственное падение, и просить Христа о помиловании тех, кого можно помиловать. Мы способны благодарить Бога за новоявленных святых, сохранивших в те жуткие годы веру, надежду, любовь. Молитвенное неравнодушие к подвигу новомучеников, осмысление причин страшной духовной катастрофы миллионов людей, потерявших веру и разум, и изменение нашей жизни с учетом их ошибок — одна из необходимых граней нашего покаяния. И для живого олицетворения этого покаяния такой храм на Лубянке действительно необходим.

Еще в XVIII–XIX веках из недр европейского сознания вышли мертворожденные идеи, впоследствии отравившие все тело русского общества. Чтобы заражение остановилось, их нужно оставить в прошлом. Не забыть, нет, но все же оставить за плечами, дав им соответствующую духовно-нравственную оценку. Атеизм, коммунизм, тоталитаризм, классовая дискриминация, построение «светлого будущего» на крови инакомыслящих — подобные идеи необходимо сдать в архивы истории, оплакав их кровавые

плоды. Храм Новомучеников, посвященный жертвам безбожного тоталитарного режима, становится видимым осуществлением этой задачи и уже поэтому является важной вехой в историческом пути России. Величественное молитвенное здание на Лубянке несет напоминание грядущим поколениям о невозможности созидания земного благополучия без Господа. Безбожники, строящие рай на земле, неминуемо построят концлагерь — об этом без слов напоминают, а вместе с тем и предупреждают купола нового собора.

Храм в честь Воскресения Христова и Новомучеников и исповедников, стоящий на Лубянке, — это историческая победа новомучеников. Возведение собора стало возможным потому, что новые Георгии, Димитрии, Татьяны, Варвары, Пантелеимоны до конца прошли все испытания, уготованные им. Так же, как и в первые века, победа нынешних мучеников и исповедников осуществилась через их твердое стояние в вере. Сегодня все они собраны вокруг Христа в вечности, о чем говорят фрески главного купола собора, на которых изображен Христос,

окруженный новомучениками. А где же ныне их убийцы? Они с позором сошли с исторической сцены и отправились в то место, которое соответствует их духовному состоянию. Время расставило все по своим местам, ибо жив Господь, руководящий историей.

Новый собор – это и наша победа, потому что Церковь осмыслила подвиг страдальцев за веру и многому научилась в годы гонений. Победа Церкви сегодня состоит в торжестве правды Божией в судьбах страны и в подлинно христианском осмыслении истории. Все это потрясающе выражает сам храм на языке архитектуры, фресок и икон. Об этом осмыслении нашей недавней истории свидетельствует и стоящая в храме рака с мощами священномученика Илариона (Троицкого), бывшего некогда настоятелем монастыря. Собор ясно символизирует возвращение России к вере через переоценку прошлого, великую победу Христа и Его Церкви в сложных путях земной истории.

Храм обращает нас к опыту тех, кто сохранил святое православие в кровавом XX веке и передал нам, – и этот акцент также актуален. Востребованность наследия новомучеников сегодня чрезвычайно важна. Миллионы русских людей в XXI веке живут так, будто бы ГУЛАГа не было. Подобная историческая амнезия очень опасна, ведь режимы приходят и уходят, а идеи остаются и работают.

В замечательном фильме Кончаловского «Рай» эссеист, рассуждая о проигрыше Германии во Второй Мировой войне, говорит: «На земле неизбежно наступит безжалостная и прекрасная эпоха, и начало этому времени положили мы, – мы, павшие первыми. Хорошо, мы проиграли войну. Победа, счастье, неподсудность не на стороне Германии. Пусть они достаются другим. Но будет благословлен германский рай, даже если нам отведен ад. А если нашей идее не суждено сбыться, то только потому, что она слишком совершенна. Человечество еще не готово для идеала». Да, действительно, всякий тоталитарный режим неизбежно погибнет, но непогребенным может остаться его мирозерцание. И храм Сретенского монастыря не зря указывает на опыт новомучеников и исповедников земли русской, принявших на себя сокрушительный удар большевистского террора и выдержавших это испытание колоссальной силой веры. Указывает для того, чтобы этот кровавый кошмар уже никогда не повторился

и чтобы люди знали, что нет на земле ничего сильнее, чем сила веры христианской.

Само посвящение храма Воскресению Христову и новомученикам и исповедникам говорит о том, что духовное воскресение Русской Церкви, ее возрождение невозможны без осмысления опыта новомучеников. Собор в центре Москвы служит зримым символом этого начинающегося возрождения. Всякий русский православный человек должен понять, что за нашу сегодняшнюю возможность исповедовать православие была принесена великая жертва, не оставляющая нам права быть равнодушными к ней. Храм на Лубянке – монументальный памятник этой жертве, зовущий русских людей к молитве.

«Мы живем в добавленное время», – сказал кто-то из современных проповедников. Действительно, история Русской Церкви могла бы закончиться еще

тогда, в 30-е годы минувшего столетия. Нынешнего времени открытых храмов и свободы проповеди не было бы, если бы на той самой Лубянке, где теперь возвышается удивительной красоты собор, не проливалась кровь людей, решившихся идти на смерть ради Христа. И не только на Лубянке, но и на всех необозримых просторах огромной страны – везде лилась святая кровь исповедников веры, сохранивших для нас драгоценный дар православия.

Кровь новомучеников, о которой напоминает каждый удар колоколов Сретенского монастыря, и сегодня проповедует России веру и покаяние. Сердце всякого русского человека, имеющего ум и совесть, должно откликнуться на этот призыв. И если мы ищем спасения своей души и хотим видеть Россию мирной, свободной, богохранимой державой, другого варианта для нас просто не может быть.

ИЗ ПОСЛАНИЯ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНА СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

Целый год вы держите в руках своих государственную власть. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды. Наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото. Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете? Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных... Но вам мало, что вы обгарили руки русского народа его братскою кровью... По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха. Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди?

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. <...> Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа.

Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя...

Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания... обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (см. Лк. 11:51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26:52).

3 (26) октября 1918 года. Москва

Священник Владимир Русин

**17 КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ**

**Профилактика
политических заболеваний**

Революция – не панацея, а рак.
Это знает мудрец. И не знает дурак.
Это знает хитрец. И руками глупца
Он вершит революции в разных
концах.
Не имеет значенья их лозунг и цвет.
Революции есть. Улучшения нет.
8 мая 2017 г.

**Россия в 1917 году
Февраль**

Злоба в воздухе разлита.
Кочевряжится элита.
Что сулит заря вечерняя?
Отречение... Отречение?

Октябрь

Чернеет чернь. Матросы бесятся.
На исходе восьмого месяца,
Посулив жития привольного,
Будут править страной из Смольного.
Знать
не знает, чем это кончится.
А Россия от боли корчится.
Побледневшая. Покрасневшая.
Непонявшая... Неуспевшая...
Все тут главные. Все тут правые.
И расправы ведут кровавые.
22 марта 2017 г.

Петроградская зима

Зима не за горами. Скоро
Мы не узнаем Петроград.
Пальнет по Зимнему «Аврора»,
И расстреляет брата брат.
И друг на друга в лютой злобе
Сыны российские пойдут
На радость Штатам и Европе,
На горе всем живущим тут.
4 августа 2016 г.

Театр революции

Было «Лето Господне». Потом –
«Окаянные дни».
Закрутила империю нового времени
вьюга.
И одни на чужбине скитались, теряя
друг друга.
А другие терялись, друг другу плетя
западни.
Но театр революции не устает
от премьер.

Снова занавес настезь. Идет
адаптация пьесы.
Что готовится? Старые добрые...
«Бесы».
Не хотите ль билетик? Куда вам:
балкон иль партер?
8 мая 2016 г.

Столетию русской революции
И век прошел. И больше века
Пройдет. А человек всё тот.
Его желанье – дискотека
И с колбасою бутерброд.
Пообещай ему ты мира
И соблазни клочком земли –
Любого примет командира
И коронует в короли.
Но осознав масштаб урона,
Масштаб духовного вреда,
Он вновь пойдет на штурмы трона,
Как будто в тронах вся беда.
15 августа 2016 г.

Дал Бог нам пережить войну
Дал Бог нам пережить войну
И дочь войны – разруху.
Тянись, история, в длину,
А не ходи по кругу.
Но плохо учим мы урок.
Нас носит по болотам.
Споткнемся – вот и кувырок.
Притом – с переворотом.
Давно пора переварить,
Извергнуть афедроном
Всю тлю бесовскую. И жить
По Божеским законам.
11 мая 2017 г.

Возвращение к Октябрю
Наш народ, «под собою не чужа
страны»,
Восхищался ее широтой.
В ней сердца заменяли мотором
стальным,
От Руси открестившись святой.
Отошла благодать, и случилась война.
Встрепенулась, очнулась, проснулась
страна.
Даже вождь, тот, что был и премудр
и хитер,
Вдруг почувствовал братьев вокруг
и сестер.
И безбожники штатные вышли
за штат,
Испугавшись, что веру в стране
разрешат
И заставит партийная та же печать
За безумные речи потом отвечать...

Но остались блокада, дуга,
Сталинград
Позади. И страна обернулась назад.
Отмотала историю до Октября.
И пошло духовенство опять в лагерь.
1–7 июня 2017 г.

* * *

Да, времена теперь другие.
Враги другие и друзья.
И многих мучит ностальгия –
Сия сердечная змея.
Она зовет обратно в лето
И врет, что в прошлом нет зимы.
Опять прельщенные умы
Она зовет в страну советов.

Не раздражаясь и не споря
(Рождает истину не спор),
Напомню, сколько было горя,
Когда политики топор
Рубил налево и направо,
Сносил короны и кресты;
Когда безбожия отрава
Внутри вытравливала стыд.

Мы с безопасного далёко
Глядим, как дух смутила плоть.
И было прошлое жестоко,
Но многомилостив Господь.
Ведь это Он не дал нам сгинуť
С лица растерзанной земли.
Советы лстыивые змеи
Нас снова превратили б в глину.
22 марта 2017 г.

Отраженный свет

Луна светила отраженным светом.
Ни более, ни менее того.
Ты принимал за чистую монету
Лукавое земное волшебство.
Ты верил и, не чувствуя подвоха,
На нечестивый смело шел совет.
Не знал ты, что советская эпоха –
По сути только отраженный свет,
Отвергший сам источник света –
БОГА.
11 мая 2017 г.

* * *

Душа, подверженная страсти,
И злато превращает в пластик.
А тот, в ком торжествует дух,
К нечистоте и слеп, и глух.
Буржуи или коммунисты?
Известно: чистому – всё чисто.
И ты, крикливый либерал,
Страстями душу б не марал.
8 апреля 2017 г.

Две реки

Две реки, что когда-то сливались в одну
И несли свои воды к великому морю,
Объявили недавно друг другу войну,
Дав свободу обидам, и злобе, и горю.
И окрасилась красным речная вода.
Стало тесным и скучным привычное русло.

И волною идет за бедою беда.
И войною теперь одержимо искусство.
Сколько сказано злобных, неистовых слов!

Не вместят этих слов наши библиотеки.
С каждым словом вокруг умножается зло,
Иссякает любовь, сокращаются веки...
Две реки, что когда-то сливались в одну
И имели одну неделимую душу,
Разделили в мгновение ока страну.
Да и слили великое прошлое в лужу :-(
4 мая 2017 г.

Соседи

Живут своим умом соседи.
Вернее, выжив из ума,
Скандалят, гnevаются, бредят...
Зачем холера и чума?
Они и так съедят друг дружку.
Такие ныне времена.
Ведь это не игра в войнушку,
А настоящая война.

Уже дымится дом соседский
С юго-восточной стороны.
И в наших кладовой и детской
Порою выстрелы слышны.
Уже мы закрываем ставни
И слежка за межей идет.
Они разбрасывают камни,
Да в наш всё больше огород.

Что делать нам?... Терпеть и ждать.
Сорняк полоть. Пшеницу жать.
10 мая 2017 г.

Донбасс в огне

В каком кошмарном сне,
Какой бредовой ночью
Привиделось мне,
Что стал горячей точкой
Молитвенник и труженик Донбасс?..
Горит он в яви, обжигая нас!
11 февраля 2017 г.

Кавардак

Уже покрыт культурным слоем
Веков бунташных кавардак.
Уже тоскуем по застоям.
И то, и это нам не так.
Даем мы волю недовольству
И за заботу платим злом.

К американскому посольству
Ползем на пузе бить челом.
Или, пропахший нафталином,
Из сундука доставши флаг,
Войну дворцам и мезонинам
Объявим. И по нашим спинам
На трон взберется снова враг.
И будет новый кавардак.
12 мая 2017 г.

Мышиная возня

Мышонок заработал стресс.
Не всё пошло по плану.
Он лез, негодник, в майонез,
А угодил в сметану.
О, как же он негодовал!
О, как кипели страсти,
Когда грызун критиковал
Зажравшиеся власти!
Он днем выходит на протест,
А по ночам сметану ест.

P. S. Я не был там. Ведь для меня
Майдан – мышиная возня.
Там мышки жгут покрывашки
И набивают шишки.
8 мая 2017 г.

* * *

Из газет испаряется газ новостей.
Информация ищет иных скоростей.
Чтобы с места событий – на каждый экран.

В каждый дом. В каждый мозг.
Напрямик. На таран.
Чтоб внутри был у каждого вирус и тролль.
Чтобы ты потерял над собою контроль.
25 марта 2017 г.

* * *

Сдуваю пену новостей
Пустых с экрана монитора.
Гашу я сполохи страстей
И отрясаю споры спора.
О, как же хочется шепнуть,
Пока мы здесь, пока мы вместе...
Пора, мой ангел, в добрый путь –
Внимать не новостям, а ВЕСТИ.
9 февраля 2017 г.

Вместо послесловия

Я родился в России

Не знаю, как вы, – я родился в России.
Не знаю, как вы, – я в России живу.
И сколько бы бесы страну ни бесили,
Я Родиной землю родную зову.
Немало у нас недостатков и грязи,
Мздоимцев, прохвостов, засланцев и проч.
Но Образ я вижу сквозь дым безобразий
И верю, что утром сменяется ночь.
Не знаю, как вы, – я останусь в России.
Пусть зимы здесь долги, дороги длинные.
Родная земля компенсирует силы.
А главное: мы с ней друг другу нужны.
13 мая 2017 г.

Вот такую подпись сделал сам отец Владимир:

Автор фото – матушка Полина Русина. Она же подпевала во время совершения таинства. Крещаемая – Татьяна Васильевна. Ей 60 лет. Она воцерковилась прежде, чем крестилась. И такое бывает! Несчастье большое в семье случилось, она стала к Богу обращаться. На службах часто бывает, молится и вот вспомнила, что не крещена еще. И к нам приехала. Крестили 18 июля в Оскольском водохранилище. Наши Кунье на побережье реки Оскол находится.

Оксана Федорова: «За все это я благодарю Господа и молюсь святым»

Теленяня всех малышей с подопечными благотворительного фонда

Есть имена, вызывающие не столько представление о внешнем облике их владельцев, сколько связанные с определенными, и прежде всего нравственными, понятиями. Одно из них – Оксана Федорова. И так уже много лет, что особенно ценно в наше постоянно меняющееся, и чаще всего не в лучшую сторону, время. Оксана – ведущая телепередачи «Спокойной ночи, малыши!». Передачи уникальной, и не только потому, что сегодня ее смотрят уже, наверное, внуки первых малышей, но еще и потому, что, как и много-много лет назад, они по-прежнему узнают, что такое любовь, честность, дружба. Сегодня эти понятия связаны с именем Оксаны Федоровой и, думается, полезны как малышам, так и взрослым.

Юлия Камагина

– Оксана, давайте вспомним 2002 год. Вы отказались от титула «Мисс Вселенная». Владелец конкурса был Дональд Трамп, но это к слову. Почему вы так решили?

– Если говорить совершенно точно, я отказалась не от титула. Я отказалась выполнять условия, которые налагало это звание. Не стоит их перечислять, сегодня они хорошо известны многим. Тогда мало кто об этом знал, а уж я – тем более. Передача короны второй претендентке – это была уже чисто техническая процедура, как следствие моего решения.

– Вы не жалеете об этом? «Мисс Вселенная» – это, при всем уважении к вашим прежним победам, все же не «Мисс Санкт-Петербург» и не «Мисс Россия».

– Представьте, ничуть не жалею. И, поверьте, в этом нет никакого пафоса. Это было мое осознанное желание, а не уступка каким-то внешним обстоятельствам или давлению. Решение шло из моего сердца.

– Можно связать это с вашим приходом к вере? Одно дело – на голове корона Мисс Вселенной, а другое – платок православной женщины...

– Мне было двадцать четыре года, когда я участвовала в конкурсе. Первая моя исповедь состоялась незадолго до этого. То есть мое воцерковление уже началось. Глубокое и осмысленное понимание православия придет позже. Если говорить о причинно-следственной связи между верой и тем решением, – оно, наверное, было скорее на интуитивном уровне.

– Вы можете сказать о себе сегодня как о человеке осмысленно верующем?

– Да. Безусловно.

– Что дает вам такую уверенность?

– Я стремлюсь жить по заповедям Божиим не потому, что «так положено» (эти слова поставьте в кавычки), и не потому, что этого требует церковный канон. Я осознанно увязываю жизнь, как велит Господь, с идеей вечного спасения своей души, а соблюдение заповедей и правил церковной жизни помогает добиться этой цели. Отсюда и моя искренняя любовь к Богу: за то, что Он мне в этом помогает, указывает путь.

– И чтобы завершить тему «Мисс Вселенной». Тот поступок как-то повлиял на вас? Укрепил духовно? Ведь могла и гордынька шепнуть: вот, мол, я какая!

– Ой, нашей гордыньке только дай повод... Я – такой же человек, как все, со своими личными слабостями и со слабостями, присущими всем людям. И искушения не обходят меня стороной. Что касается именно этого эпизода, могу сказать: это было честно прежде всего по отношению к себе. Даже если бы весь мир ополчился против меня, я поступила бы именно так. Под-

руги говорили мне, что я сумасшедшая, что нужно остаться там, твердили, что школа кино и телевидения в Нью-Йорке – это шанс, который дается раз в жизни. Что есть правда. А я понимала, что должна уехать. Стоял выбор: либо я остаюсь жить в Америке, либо возвращаюсь в Россию. А вернуться в Россию можно было, только прервав свои обязательства, связанные с конкурсом. Если бы я осталась, то осталась бы строить свою жизнь там. Когда я поняла всю бескомпромиссность вопроса, решение о возвращении домой пришло само.

– А зачем вообще тогда было участвовать в конкурсе?

– Для начала, я попала туда чисто случайно. Должна была участвовать в предыдущем состязании, но не поехала из-за вступительных экзаменов в аспирантуру. А так как в этот год не успели выбрать «Мисс России», предложили мне, как прошлой победительнице всероссийского конкурса. Я не задумывалась, что и как будет дальше. Я всегда живу по сердцу, стараюсь слушать внутренний голос. Слава Богу, что так получилось! Иначе бы мой муж меня долго искал.

– Давайте от вселенских дел перейдем к земным. Вы – человек, как теперь называют, публичный, медийный, в центре общественного внимания. А внимание, как известно, бывает разное, порой такое, что лучше бы тебя совсем не замечали. Как вы относитесь к своей популярности?

– Стараюсь не обращать внимания и когда осуждают, и, тем более, когда хвалят. И ни в коем случае не вступаю в контакты. Причина – не надменность: чтобы не искушать других. Чтобы в их сердце не проник какой-либо дурной помысел. Стараюсь уйти, когда вижу неадекватное поведение человека или слышу агрессивное нечистое слово, не люблю сплетен.

– Это же так естественно для нормального человека.

– А я только и хочу быть нормальным человеком. Это уже много. Я буквально кожей чувствую разрушительное воздействие пересудов. Если они касаются лично меня, могу сделать замечание, мягко намекнуть. Если не помогает – устроюсь. Я дипломат в этом смысле. С Божьей помощью научилась относиться к этому спокойно и смиренно. Переживаю за мужа: он реагирует

более болезненно. Он – мужчина, основа и глава семьи. Отвечает за ее целостность и безопасность и перед собой, и перед обществом. Поэтому реагирует острее на какие-то нестандартные ситуации.

– У вашего мужа трое детей от первого брака, двое ваших совместных. Вон какое большое малое стадо. Забот, наверное, действительно выше головы. А как сложились ваши отношения с теми сыновьями Андрея?

– В целом это нормальные, хорошие отношения.

– Вам, наверное, пришлось постараться.

– Я бы не сказала. Во многом это зависело как раз от отца. Они всегда приходят к нам по выходным, Андрей с ними занимается. Ведь к моменту моего появления у Андрея с детьми уже сложилась какая-то своя жизнь. Надо было по возможности ее сохранить. Когда я познакомилась с ними, мне они очень понравились. Сейчас я вижу, как наши Федя и Лиза тянутся к старшим братьям.

– Вероятно, как в каждой нормальной семье, у вас тоже существует своя система воспитания. Есть ли в ней так называемый классный руководитель?

– Есть, есть. Мама – мягкая. Иногда мамой легко манипулировать. Вот почему я всегда говорю, что мужское воспитание ничем не заменить. Папа у нас строгий, папа у нас суровый. Если папа сказал, значит, так и будет. Едва Андрей появляется дома, Федя и Лиза через две минуты спят. А когда я их укладываю, они начинают просить: «Мама, давай посмотрим мультики, давай прочитаем...». Мама – то, мама – другое. А вот папа у нас – непререкаемый авторитет.

– А есть четкое представление, что детям разрешается, а что – нет? И знают ли об этом сами дети?

– О, все дети – такие хитрецы, они всегда знают грань дозволенного, и стоит им почувствовать слабину... Мы с Андреем – противники доброты «под хорошее настроение». Такой, с позволения сказать, принцип развивает в ребенке хитрость, неискренность, учит льстить. Мы объясняем им, что нужно помогать маме, заниматься спортом, нужно делать что-то полезное. У нас папа всегда спрашивает у старших детей: что ты сделал сегодня, чтобы быть

на сантиметр впереди вчерашнего дня. Лиза и Федя пока еще маленькие, в них воспитывается подчинение, а вот старшие уже готовы к сознательной дисциплине. Мне кажется, нужно приучить ребенка к мысли: то, чего ты хочешь, сразу и легко не дается. Нужно заслужить, то есть потрудиться. А мама тут как тут, на страже. Чтобы принцип не переступил грань разумного. Искушение властью, оно, знаете, одно из сильнейших. Об этом не следует забывать и родителям.

– Слушаю я вас и понимаю, что ваша семейная педагогика стоит на фундаменте личного примера.

– Наверное. Только я никогда ничего такого специально не выстраивала: давай-ка я покажу им сейчас пример трудолюбия. Все как-то само собой получается.

– Наверное, потому, что это ваша органика – постоянно быть в труде. Чем вы только не занимаетесь! У Джанни Родари есть замечательное стихотворение: «Чем пахнут ремесла?». Если бы Федя и Лиза попросили маму рассказать о том, чем пахнут ее ремесла, как бы вы это описали?

– Дайте подумать... (Улыбается). Первая моя профессия – милицейская, ей я отдала одиннадцать лет. Наверное, она пахнет риском, кирзовыми сапогами, кожаным ремнем, ну и, может быть... жирными тарелками. Тарелки – я очень хорошо помню этот запах – это когда девушки ходили в наряды по кухне. Сейчас я занимаюсь благотворительностью. У меня есть благотворительный фонд «Спешите делать добро». Эта деятельность пахнет подгузниками, сладостями, красками, фломастерами. Мы много рисуем с детьми, которым помогает мой фонд. Еще он пахнет праздником. Моя работа дизайнера пахнет тканями. Когда получаешь ткань в рулонах, она имеет особый запах – бумаги и ластика. Мы вырезаем лекала – это пахнет красотой. Нашу женскую одежду закупают многие регионы России. Ну и самый главный запах, как у телевизионного ведущего, – запах детства. Ведь я вела в основном детскую программу «Спокойной ночи, малыши!». Когда я пришла работать на эту передачу, то вспоминала и свое детство. Вообще, телевидение, я бы сказала, не столько пахнет, сколько веет холодом: постоянные сквозняки, большие

павильоны, где снимаются передачи. Не всегда в студии благоприятная атмосфера. Но в целом у программы очень слаженный, хороший коллектив. Она действительно долгожитель. Мы отметили уже полувековой ее юбилей.

– **Семья и работа, вероятно, забирают вас всю.**

– Отчего же? Уже больше пяти лет я профессионально занимаюсь академическим вокалом. Пою романсы. Для близких, для друзей. Мне это нравится. Им вроде бы тоже. *(Улыбается)*. С детства мечтала научиться играть на гитаре. Увы... И все равно жизнь привела меня к музыке. Очень люблю оперу, вообще высокое искусство. Еще раньше занималась латиноамериканскими танцами. Фокстрот, танго, быстрый фокс, вальс. Все это – мое хобби.

– **Так вы еще и председатель детского киноконкурса «Кинотаврик». Не боитесь, что за всеми делами ваши Федя и Лиза вырастут как бы сами по себе?**

– Слава Богу, нам помогают бабушки и няня. Я же стараюсь так выстраивать свой день, чтобы часть его непременно проводить с детьми. Лиза занимается танцами, Федя – рисованием и спортом. Когда они приезжают в Москву на свои занятия, иногда заглядывают ко мне на работу, на съемки. Даже если мы с Андреем куда-то уезжаем, то всегда объясняем детям, что скоро вернемся, говорим, куда и зачем едем. Дети боятся не того, что мамы или папы нет рядом, они боятся неизвестности.

– **Это значит, что им все можно знать?**

– Совсем нет. Но это значит, что они должны знать, почему то или иное им пока знать не надо. Суббота и воскресенье – наши семейные дни. Дети ждут их. Когда я увидела, что они начали многое понимать, сказала: «Так, собираемся!». Мы поехали ко мне на телевизионную студию программы «Спокойной ночи, малыши!». Я показала им, что делаю. Они провели со мной целый день, успокоились. И в следующий раз я уезжаю на работу, а они меня спрашивают: «Мама, ты на “Спокушки”?». Я им отвечаю: «На “Спокушки”». Когда занимаюсь танцами, они тоже занимаются спортом. Они на первом этаже, я – на втором. Они с радостью спрашивают меня в очередной раз: «Мама, когда на спорт? А можно мы на тебя посмотрим?».

– **Ваша жизнь, как мне кажется, делится почти пополам – между семьей и работой. К какой категории женщин вы отнесли бы себя? Светских или домашних?**

– Пожалуй, ни к той, ни к другой. Это какая-то третья категория – симбиоз первых двух плюс определенная политизированность. Наверное, случилось то, что я по своему основному образованию юрист. Я внимательно слежу за политической обстановкой в стране. Анализирую ее, переживаю.

– **Что в нашем законодательстве следовало бы, на ваш взгляд, улучшить?**

– Это очень расхожая точка зрения: во всем виноваты законы. Во-первых, законы не рождаются сами по себе – их создают люди. Я считаю, что, ссылаясь на плохие законы, люди пытаются оправдать собственное бездействие. И кадровая политика, и положение пенсионеров, врачей, учителей – все в руках власти, то есть все тех же людей, нужны лишь добрая воля, честность, искреннее стремление изменить жизнь к лучшему. Слава Богу, вроде приходит понимание, что без культуры невозможно гармонично развиваться. Нужны всевозможные культурные программы, фестивали, конкурсы, выставки, премьеры... Если же говорить о законах, все придумано за нас и до нас. Это заповеди Господни. По ним и надо жить.

– **Главная тема этого номера журнала – как научиться любить грешника? Что вы могли бы сказать об этом?**

– Что это очень и очень трудно. Грех мы все умеем ненавидеть, а вот научиться не переносить это отношение на человека... У меня был случай, благодаря которому я поняла, что любой грешник опускается до греха не просто так. Зачастую из-за своей неспособности простить, неспособности смириться с обстоятельствами. Был период, я снимала в центре Москвы квартиру. Тогда я каждый день ходила в церковь в Филипповском переулке. Как-то в храме собирались на операцию человеку, который был при храме, но вот дома у него не было. Все старались помочь, кто чем может. А чуть позже он рассказал мне свою историю. Он никак не мог простить сына. Не хватало силы духа, веры. Но я увидела, что Господь не оставляет его. Думаю, что это и нам урок, и для нашего научения.

После этой истории я стала относиться к людям гораздо терпимее.

– **У вас много друзей?**

– Даже не знаю, как ответить... Друг – это же понятие не количественное, а качественное. У одного может быть тысяча друзей, а на деле он одинок. У другого – раз-два и обчелся, а кажется, что их не счесть. Я точно знаю, кто останется со мной в любой жизненной ситуации. Но бывает, когда человек другом вроде и не был, а в какой-то момент протягивает руку помощи. Самый главный друг для меня – это мой муж. Ближе друга у меня нет. Он многое изменил в моей жизни. Я могу сказать ему все и спросить обо всем. И знаю, что он меня поймет. За все это я благодарю Господа и молюсь святым.

– **А кому именно?**

– Мученику Харлампии, святителю Спиридону Тримифунтскому, преподобным Серафиму Саровскому и Сергию Радонежскому, целителю Пантелеимону, Архангелу Михаилу, Иоанну Воину, блаженной Матроне Московской, великомученице Варваре (день ее памяти приходится на день моего рождения 17 декабря), и, естественно, не забываю Ксению Петербургскую, также ангела-хранителя. Все эти молитвы не просто так пришли в мою жизнь. Через друзей или по какому-либо случаю. Господь по молитвам этих святых щедро обогатил мою жизнь. Феодоровский образ Пресвятой Богородицы подарил мне Андрей. С ним я рожала и первого и второго ребенка. Еще особо дорог моему сердцу Владимирский образ Божией Матери. Благодаря святым я поняла, что нужно верить до последнего. Если угодно Господу, все обязательно сложится.

– **Как часто вам вместе с мужем и детьми удается бывать на литургии?**

– Мы с Андреем иногда вместе бываем на службе, да и дети причащаются чаще, чем я. Также у нас есть семейная традиция. Мы ежегодно приглашаем к нам в загородный дом священника, который крестил наших детей. На Крещение он проводит краткий молебен и освящает воду в небольшом пруду во дворе нашего дома. В этом году я все-таки смогла окунуться на Крещение. В течение года окунаюсь, но зимой страшновато. Наши родители тоже последовали за нами. Иногда совершаем паломнические поездки, это тоже очень укрепляет веру и дух.

– **Помоги вам и всей вашей семье Господь во всех ваших делах!**

– И вам помощи Божией.

Поздний человек

Встреча с художником и поэтом Николаем Предеиным

Николай Предеин (слева) и Игорь Золотусский

Под одной из первых публикаций о Николае Предеине в центральной прессе стояли две подписи: Савва Ямщиков и Игорь Золотусский. Эти не только авторитетные, но и очень взыскательные и бескомпромиссные люди рассказали тогда о таланте Предеина как художника и скульптора. «Художником, равно-великим лучшим мастерам современного искусства» назвал его Ямщиков. «Скульптурная гоголиана Николая Предеина – наиболее впечатляющее из того, что я видел в последние годы», – утверждал Золотусский, восхищаясь скульптурными и графическими портретами Гоголя, созданными художником.

Была эта публикация одиннадцать лет назад, и ни Ямщиков, ни Золотусский не упоминали о том, что Николай Предеин пишет стихи. Возможно, они и не знали об этом, ведь первый поэтический сборник Предеина вышел только недавно. Признаюсь, не с первого прочтения мне стали близки и понятны стихи художника. Возможно, мне не хватало запаса внутренней тишины, чтобы услышать их, преодолеть их кажущуюся странность. Слово в стихах Николая Предеина напоминает каплю, летящую с крыши в первую робкую оттепель (когда еще нет капли и каждая капля созревает, наливается и только потом с большим достоинством падает).

Еще мне показалось странным, что в книге стихов художника – причем искусного и очень книжного графика! – нет ни одного рисунка, ни одной графической заставки, никаких дизайнерских придумок. Полное ощущение того, что автор начинает свою жизнь в поэзии с чистого листа, не желая напоминать читателю о том, что в искусстве он – давно состоявшийся график и известный скульптор. На седьмом десятке лет дебютировать как юноша – наивно и бескорыстно, никак не воспользовавшись заработанным авторитетом! Мне кажется, надо иметь немалую храбрость, чтобы пуститься на такой дебют.

Недавно у меня появилась возможность поговорить обо всем этом с автором. Я приехал в Екатеринбург, где живет Николай Предеин, позвонил художнику, а через час уже пролезал через дырку в заборе, чтобы попасть в его мастерскую. Она (в числе мастерских других художников) расположена в старом купеческом доме близ Царского моста.

– Кем же вы себя сегодня ощущаете – поэтом или художником?..

– Тут неизбежно хочется привести спасительные слова Ахматовой: «Не понимаю я громких слов: поэт, биллиард...». Никогда не скажу, что я поэт.

Художник, пишущий стихи, – так будет точнее.

– У всего важного, что происходит с нами, непременно есть какой-то исток в детстве, какой-то знак, поданный свыше...

– Если говорить о стихах, то не знаю, можно ли считать знаком, тем более – свыше (это опять же тот самый «биллиард» получается), но вот была со мной такая история. В школе нам на лето, как водится, задали сочинение. Можно было писать прозой, а можно – стихами. Я, как и все мальчишки, просвистал до конца августа и, конечно же, спохватился в последние дни лета. А у меня двоюродный брат через дом жил. Тоже Коля. Он уже сочинял стихи и, помнится, даже поэму написал про полет Гагарина. Я его попросил: помоги, напиши стихотворение, чего тебе стоит, завтра в школу, а мне не с чем идти. Брат, как говорится, вошел в положение и написал стишок про уборку урожая. Я перекатал его в свою тетрадку и сдал, да простят мне эту мою находчивость мои школьные педагоги. А через три дня с восторгом и ужасом я увидел, что на стене школы висит стенгазета с «моим» напечатанным стихом и подписано: «Н. Предеин». Меня все не без удивления поздравляют, а я посмотрел на это, так сказать, в лучших бюрократических традициях и уснул своей опять было просыпающуюся совестью тем, что брат ведь тоже Н. Предеин, поэтому ошибки как бы и нет. Вскоре меня вызывают к директору, и он говорит: «Тут мы решили послать тебя на литературную олимпиаду в Курган». Отступать было некуда, и я поехал. Меня психологически спасло только то, что, как всякий романтический юноша, я, конечно же, сочинял стихи, только никому их не показывал. Так что небольшой стихотворный опыт я все-таки имел. Но эта история из разряда курьезов, на знак свыше, понятно, не тянет, а все-таки, как бы то ни было, после всех житейских сюжетов, лет через тридцать, в конце 1990-х, что-то случилось. И лет через пятнадцать вышла первая книжка стихов под названием «Второй первоисточник». Чуть

позже вторая книга «Источник слуха».

– У вас какие-то особенные отношения с буквами, со знаками препинания?

– Какие-то стихи требуют знака препинания, а в каких-то случаях смысловые связи между словами не столь жесткие, слова текут, и знаки, мне кажется, мешают этому течению. Еще у меня обнаружилась нелюбовь к заглавным буквам, они как-то много на себя берут. Заглавным буквам, на мой взгляд, свойственна некая визуальная патетика. А я, как правило, стремлюсь к ровному течению стиха. В конце концов, у каждого стихотворения своя атмосфера, свои смысловые коды, и я ставлю точку или заглавную букву там, где они просятся.

– Почему вы не иллюстрируете свои стихи? В вашем сборнике нет ни рисунков, ни фотографий...

– Признаюсь, что я против иллюстраций к стихам. Мне кажется, эта точка зрения имеет право на существование. Известно, что Бродский раздражался, когда на его стихи писали песни, а если и соглашался, то с большим трудом. Так и с картинками. Стихи – это ведь не литература.

– Стихи – не литература?!

– В каком-то смысле – да. Я имею в виду, что в стихах совсем другая образная структура, другая драматургия языка, драматургия синтаксиса. Она не укладывается в иллюстрацию. Вот проза – безусловная литература, и с иллюстрациями там все в порядке. Так что, мне кажется, стихи, как правило, должны звучать в чистоте, без картинок. Иначе это будет музыкально-поэтическая композиция, которыми были так славны в сравнительно недавнее время сельские дома культуры.

– Вы пишете здесь, в мастерской?

– Кто ж я такой, чтоб рассуждать, как я пишу стихи? Скажу только, что когда пишется быстро, то, даже если сидишь за столом, как бухгалтер (как «густопсовая сволочь», по Мандельштаму), строчки записываются как бы с голоса (надеюсь, этим «как бы» я снизил пафос своих рассуждений). В иных случаях, увы, уже не образ, так сказать, самооявляющийся ведет, а головной смысл незаметно начинает тебя оккупировать. Ты становишься рацио-

Иллюстрации к драме
«Борис Годунов»

нальное, и в этом есть явный изъян. Мандельштам говорил: плохие стихи — это записанные смыслы.

— **А хорошие стихи?**

— А хорошие — это те, которые сами проступают, самоявляются, как я уже сказал. Возникают из чего-то. Что, разумеется, не исключает работы.

— **Как у Шпаликова, да? «Из ничего, из ниоткуда. Нет объяснения у чуда...»**

— ...и я на это не мастак». Замечательно, что вы вспомнили Геннадия Шпаликова. Это поэт не только в своих стихах. Он был, я думаю, поэтом и в прозе, и в сценариях, и в режиссуре, и в человеческих отношениях. В стихах, в общем-то, не трудно быть поэтом. В жизни это гораздо труднее. Что он и доказал своей жизнью...

— **А как с процессом, зеркальным писанию? Я имею в виду чтение. Вы отводите ему отдельное время?**

— Я читаю обычно вечером в троллейбусе по дороге из мастерской домой, а утром — по дороге на работу. Сейчас у меня в руках замечательная книга о Шостаковиче — там его разговоры, дневники...

— **У вас есть портреты Шостаковича...**

— Да, есть графические портреты и скульптура: портрет и фигура. Есть у меня проект-модель мемориальной доски в память о Шостаковиче для Кургана — там великий композитор жил несколько месяцев, когда лечился у доктора Илизарова.

— **А еще вы мечтаете увековечить в Екатеринбурге память об Осипе Мандельштаме.**

— Да, и о нем, и о Надежде Яковлевне, они были здесь проездом по дороге в Чердынь в ссылку. Сидели на вокзале, на скамье, что прямо напротив входа в вокзал. Справа и слева от них стояли солдатики. Недавно мы встречались с руководством вокзала, и они очень радушно отнеслись к нашей идее.

— **На ваших портретах — и графических, и скульптурных — чаще всего люди ушедшие...**

— Мне всегда интересен поздний человек, с биографией, с тем, что он прожил, потому что там он наиболее полный.

— **А как вы встретились с... Гоголем?**

Ф.М. Достоевский

Н.В. Гоголь

Вильям Шекспир

— Вот тут мне, несомненно, был знак. Город моей юности Курган — феноменальный город. Там всегда главной улицей была улица Гоголя. Улица Ленина — где-то сбоку, там КГБ стояло, а на улице Гоголя и площадь, и памятник Ленину, и обком, и главпочтамт, и театр, и дворец пионеров... Памятник надо поставить тем партийным деятелям, которые не тронули улицу Гоголя, не переименовали ее.

Кстати, в школе писал сочинение по «Мертвым душам» — другой знак. Следующий знак был, когда после армии я жил в общежитии и вдруг увидел на стене какую-то трещину, слева от моей двери. Я присмотрелся и вдруг увидел, что эта трещина — профиль Гоголя. А потом, много позже, купил «Выбранные места из переписки с друзьями», эта исповедь меня сильно задела. Там я впервые почувствовал Гоголя как человека. Тогда же делал выставку графических гоголевских портретов в одном гуманитарном заведении, две работы исчезли, кто-то просто взял их — снял и унес. Я, конечно, огорчился, но потом подумал: ну, значит, я неплохо сделал эти вещи, раз их утащили.

— **Ваши портреты кажутся импровизацией: чаще всего это скучные черные линии, очень схожие с трещинками или с теми рисунками, которые мы когда-то рисовали прутиком на свежем снегу...**

— Как-то летом я обмакнул прутик в воду и стал что-то рисовать на ржавой бочке, стоявшей у нас во дворе, и там появлялись темные линии, которые меня завораживали. Это были прямо модильяниевские линии. Меня как раз тогда старшая сестра Рая познакомила с художником через книгу Виленкина. Умения никакого не было, эту удивительную пластику линии давал тонкий березовый прутик. Даже если рука бездарная, прутик выведет линии с хорошей графической артикуляцией. Кстати, с тех пор люблю рисовать, например, палочкой (бумага, палочка, тушь).

— **И что же вы нарисовали тогда на бочке?**

— Профиль Пушкина. Он будто сам собой появился.

— **Он у вас такой ранимый, почти бесплотный, ангельский. Неизбыточно трагичный.**

— Ну, потому что поэт.

Монолог о жизни и искусстве

Воин со щитом

Иосиф Бродский

Д.Д. Шостакович

После школы, это был 1968 год, это было время физиков, и я решил на физтех поступать, хотя жил в деревне, весьма далекой от ядерной физики. Деревня моя, а вернее поселок, называется Каргополье, это Курганская область. В тех же местах есть деревня Предеино, мой папа оттуда родом.

И вот я поступал в УПИ, не добрал полбалла. Поехал в Курган, на завод колесных тягачей, работал фрезеровщиком в инструментальном цехе. И вот тогда мой старший товарищ Саша Бухтояров посоветовал прочитать «Лезвие бритвы» И. Ефремова, первые книги Владимира Леви по психологии. И сердце мое охладело к ядерной физике. Я решил: все, буду изучать не тайны атомного ядра, а тайны психики человеческой. Пошел в медицинский, с намерением выучиться на психиатра — ни много, ни мало. И поступил. Проучился три года, и неплохо — за это время у меня была одна тройка.

Но все это время я ходил по книжным магазинам, заглядывался на альбомы по искусству. Помню такой альбом — по искусству Возрождения. Мне очень нравились репродукции с увеличением, где отчетливо видна краска, фактура поверхности, трещины. Стал покупать книги. Стал ходить в изостудию. Познакомился с Ильдаром Фасаховым, учившимся курсом старше, он очень хорошо рисовал, занимался живописью. Потом стал замечательным хирургом, не теряя интереса к живописи. У меня все сложилось по-другому.

Однажды заболел воспалением легких, попал на две недели в больницу.

С собой в больницу взял книжку «Люди искусства об искусстве» и, лежа на койке, читал письма Ван-Гога. Так я выздоровел не только от воспаления легких, но и от медицины и психиатрии: экзамен по микробиологии (я уже был на третьем курсе) после больницы безуспешно сдавал два раза. Потом сказал себе, что третьего, похоже, не будет, и написал заявление с просьбой исключить меня из состава студентов.

Для однокурсников это было неожиданным. Одна девушка, с которой я учился, сказала: если ты уйдешь

из института, я тебя не буду уважать. Но и это меня не остановило.

Дальше: служба в танковых войсках, где я умудрялся рисовать и лепить что-то из глины и герметика (которым замазываются швы на танке, когда его готовят к преодолению водной преграды). Эта тяга у меня с детства. Если говорить о скульптуре, то я помню свой детский восторг (мне, наверное, было лет пять-шесть) от куска глины, вернее, от чудесного превращения этого бесформенного куска глины в куб, который я почему-то решил вылепить (то есть, судя по этому эпизоду, можно сказать, что начинал я как «кубист»). А если серьезно, это удивительное превращение — своими руками! — хаоса глины в форму меня очень впечатлило. И, кстати, впечатляет до сих пор...

Потом десять лет работал каменщиком. В свободное время рисовал, лепил и, чтобы совсем не пропасть в своем доморощенном самообразовании, поступил учиться в вечернюю художественную школу. Ей руководил Павел Петрович Хожателев — легендарный человек, учившийся еще до революции в Петербургской академии художеств. Он знал Маяковского, дружил с футуристами, путешествовал с ними по Волге. Война застала его в Свердловске. Здесь было много госпиталей, и один из них — в здании филармонии. Хожателев, будучи преподавателем Свердловского художественного училища, пришел туда и стал помогать врачам реабилитировать раненых — учил их рисовать. Так и была основана вечерняя художественная школа, где и началась моя, так сказать, организованная учеба. Весь день на стройке, а вечером шел в художественную школу. Это была почти коммуна, жизнь кипела.

Мой первый портрет был — портрет Шукшина. Меня он всю жизнь привлекает, уникальный человек в нашей литературе. Портрет у меня получился, сходство было, но что-то мне мешало в этом вроде бы сходстве, и я его уничтожил (недавно я показал фотографию этой работы Юлию Андреевичу Файту, который учился вместе с Шукшиным, и он мне объяснил, что именно мне подсознательно мешало: лицо было

застывшим, а оно у Шукшина никогда таким статичным не было).

А на диплом я решил сделать скульптурный портрет Микеланджело (!). У меня к тому времени уже была семья, детки появились, и по вечерам, после каменщицкой работы и пеленок, я на кухне лепил голову Микеланджело. Первый час ночи, второй. Засыпал, уткнувшись лбом в пластилин, а через какое-то время, проснувшись, отдираю волосы от пластилина. Но потом нашелся человек, который сказал: «Оставь ты в покое Микеланджело, сделай Павла Петровича Хожателева». Это было совершенно замечательное предложение (которое остудило мой микеланджеловский пафос), и за полгода до смерти Хожателева я сделал его скульптурный портрет. Потом его отлили в бронзе, и он стоял в школе до тех пор, пока она не закрылась. Мне

позвонила Катя Хожателева, внучка художника, и рассказала, что увидела в интернете список имущества школы, его распродавали, и там среди столов и стульев – бюст ее бабушки. Мы с Катей скинулись, выкупили бюст и привезли ко мне в мастерскую. А потом была акция «Художники дарят музею», и Хожателев вместе с Гоголем уехали в наш музей изобразительных искусств.

Много было сюжетов, как и у всякого художника. Но главное, наверное, не житейские перипетии художника (сомневаюсь, что кому-то они могут быть так интересны), не успех той или иной работы. Главное, думаю, то самое детское впечатление от того, что *ты хаосу можешь придать форму, структуру, образ*. И здесь понимаешь, что хаос – он просто существует, а форма благодаря художнику – *живет*. И уже неважно, глина это или слова.

ИЗ СТИХОВ НИКОЛАЯ ПРЕДЕИНА

* * *

чай налью, чуть к руке прикоснусь,
сяду возле.

ты устала, я даже молчу
осторожней.

поднимусь, уберу со стола,
шкаф закрою.

спросишь: что-то случилось? – скажу
мы с тобою.

* * *

После снега воздух чист,
как после крещения.

Он похож на белый лист
до стихотворения.

Мне б по белому писать
белым, чтоб оставить

все как есть, но все сказать
и уже не править.

* * *

я не умру,
я не умею умирать,
но жизнь меня и этому научит,
когда на первый снег смотреть
мне вдруг наскучит.

* * *

я причислил бы к лику святых
запах липы, укропа и мяты.

кто из нас не хотел бы им братом
быть, но как же они далеки,
и они ли здесь в том виноваты.
мы сильны, а они просто святы.

* * *

между звездой и лопухами –
вратами тесными, слезами.

вратами узкими, слезой –
меж лопухами и звездой.

* * *

на столе передвинешь стакан –
мирозданье изменишь невольно,
потому все деревья стоят,
чтоб не сделать кому-нибудь больно.

* * *

помнишь, какой был ливень?
как закипали лужи!
платье к тебе прилипло
в самофракийской дрожи.

...вот мы уже под крышей.
в комнате воздух светел.
так же нас, но по-другому
вдруг обнимет трепет...

ну, а потом уснули,
миру как есть сродни.
Господи, нас не будет,
это – другим верни!

Данте Алигьери

Пушкин

Автопортрет

Игумен Варлаам (Борин)

С любовью, Лондон

Homini et cani¹

Отец игумен, благослови!

Хорошо жить в монастыре! Эх, хорошо! Каждый подойдет к тебе, погладит. Ну, если не каждый, то два из трех точно. И не только погладит – даст что-нибудь вкусненькое. Так скажите на милость: плохо ли жить в монастыре?

А начиналось все неожиданно. Да и какой нормальный... да хоть пес, хоть человек добровольно уйдет в монастырь? Обстоятельства! Только обстоятельства могут сподвигнуть нормальное существо на уход из мира. Ну, люди там начинают накручивать: воля Божия вроде того или еще какие высшие материи приплетают. А если разобраться, будь у него денег побольше да порода покруче, никакой монастырь ему не понадобился бы. Да ладно, это их дела! Как хотят.

Вот у меня порода... я хотел сказать – внешность! Любой позавидует! Про лошадей такой масти говорят: серый в яблоках. А я скромно могу сказать: как у мраморного дога. Только росточком не совсем вышел, пониже буду. А так все у меня на месте! И цвет, и походка, и повадки... Скажу без ложной скромности: благородная! Не сам придумал – слышал, как люди говорили.

А жил я себе преспокойненько в соседней Поповке, хотя какая она Поповка, если все попы в Еремине? Так бы и жил, пусть зимой в деревне никого нет, все дачники по домам разъезжаются, но ничего. И кормежку привозят, и в сарайку пускают. Зи-

мовать на улице не приходится. Не божья никакая. Хотя хозяева бывшие именно к этому меня толкали: в машину посадили и – вперед. А потом: катись колбаской по Малой Спасской. Но уже без всякой колбасы. Питайся как хочешь и чем хочешь. Хорошо, люди добрые не дали погибнуть в расцвете сил. Поповские – имею в виду. Дачники – а народ порядочный.

Да, так и жил бы я тут, ни о чем не тужил. Да стали к нам навещать два лохматых-бородатых мужика. Подбежал я, хвостом повилял. А им хоть бы хны. Потому что у них куска хлеба за душой нет. Одни разговоры. Все умные какие-то, философские.

– Ну, вашими философиями сыт не будешь, господа хорошие, – намекаю им.

А им, обратно, хоть бы хны. Правда, один за ухом мне почесал – и на том спасибо. Решил я с ними прогуляться-прошвырнуться. Они идут, языками чешут и не смотрят даже вокруг. Морды, прошу пардону, лица свои опустили долу, будто каждый смотрит только внутрь себя, но чего-то при этом говорят. Этак неспешно, слово за слово заплетают. А вокруг!.. Ох, братцы дорогие, вокруг красота неопиcуемая. Простор! Справа поле тянется, годами уже незасеваемое, по нему то тут, то там сосенки пробиваются, одиночки этаким импозантные... во! – и я уже наслушался-нахватався всяких слов новых. Будто одиночки эти в общем лесном коллективе произрастать не хотят. Зато есть куда подбежать, заднюю ногу

задрать... Слева осинник, за которым наша Поповка... А что мне сидеть на одном месте? Уж раз выкинули меня в мир, так надо познакомиться с ним. Вот бегу, смотрю. Дальше аллея началась, березки по двум сторонам, правда, уже кое-где пообветшали, а некоторых уже и смерть подкосила: повалились и лежат поперек дороги. Неба синева! Прозрачность! Мягко шуршит под лапами, как вслушаешься – сразу тепло на душе.... Часть травы скосили, а остальное – бурьян – не бурьян – не пойми чего, бесхозная земля, одним словом. В траве норки встречаются, интересно покопаться в них: может, мышку за хвост ухватишь или крота зацепишь. Но что-то пусто везде. Бежим дальше. А там, где косили, полоса свежайшей изумрудной травы, будто для нее весна только началась.

В Еремине сначала мне не понравилось. Асфальт, котлов тьма-тьмущая. А побежишь за кем-то из них, поддашься, так сказать, инстинкту, люди орать начинают как угорелые:

– Фу! Лондон, фу!

Да я же поиграть! Ничего не понимают. Фу на вас со всеми вашими котами. Сами играйте с ними!..

Ладно, без котов без ваших обойдусь. В общем, сначала недолго думая я в Поповку вернулся. Но... Уж раз попадешь в монастырь, скажу вам откровенно, так из него просто так и не выйдешь. Тянет туда и тянет! Что ты будешь делать!

Через два дня опять эти бородачи притащились. Хлеба, между прочим, принесли. Угостили. Постояли у нашего могучего вяза, поговорили про его полезность, решили у себя в Еремине такой посадить. Обратно отправились. А меня – как магнитом – тянет и тянет за ними. Бегу, ничего с собой не могу поделаться. С одной стороны, хорошо, конечно: поля, луга, аллея. Небо в голубых проталинах, рябина кое-где огоньком наливется, того гляди вспыхнет-загорится, подберезовики на длинных ножках повывезали, но эти «лягушки» меня не интересуют. Пусть их монахи-постники употребляют. А по мне – так лучше хорошую косточку поглотить. Да где ее нынче взять, в наше вегетарианское время?

– Как же его зовут? – слышу. О, знать, про меня речь.

– Пожалуй, это не Джек.

– Ну, тогда, значит, Лондон!..

Хм! Вот любители литературы нашлись! Ну да ладно их. Ведь в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Да и с именем тоже. Вообще-то с именем можно,

¹ Человеку и собаке (лат.)

да только в монастыре тебя все равно другому обзовут. Был Гарик – стал Лондон! Неплохо же? Джек Лондон было бы, конечно, солиднее, да уж ладно, и так ничего. Сойдет для сельской местности.

Так и стал я жить в монастыре. А монастырь, скажу я вам, дело серьезное!..

Хоть и сказал, что монастырь, мол, это не колхоз, а дело серьезное, но монастырь монастырю рознь. Где-то и хуже колхоза... Ну, да не мне судить. У них тут это «грех» называется – судить-то. Да, так тут, в этом Еремине, вообще не поймешь, то ли монастырь это, то ли бомжатник какой. Ограды нет, корпусов с кельями нет, гаража с джипами нет, да и самих джипов – не поверите – ни одного! Срамота!.. А народ?! Эх, все же от греха не удержусь.

– Батюшка, – подходит один мужичонка к этому, бородатому, в длинном черном платье, – Ромка опять напился.

– Напился? И что, на дойку не вышел?

– Доить вышел, хоть и за стенку держался. Но завтра с утра не встанет. На утреннюю дойку кого-то надо поставить.

– А Леха с ним пил?

– Нет, Ромку Гена угостил, он пенсию получил.

– А! Ну пусть Алексей выйдет завтра с утра, подоит...

– А с Ромкой что?

– Ты к настоятелю сходи, спроси его.

– Я уже ходил. Говорил ему. Он сказал – иди к благочинному...

Даже покомандовать как следует не могут! Кивают друг на друга, переваливают ответственность. Нет бы вышел из дома, стукнул палкой своей разукрашенной («посох» вроде бы называется) оземь... а то и по башке, да рывкнул на всех. Так он вообще без палки ходит. Будто у него ее и нет. Из своей конуры вообще носа не показывает. И чего там делать целыми днями? Молитва, говорят. Ну, господи хорошие, молитва молитвой, но и о делах нельзя забывать! Этак можно всю жизнь промолиться и ничего не достичь. А жизнь-то и тью-тью!

Я как-то, еще в городе у первых хозяев жил, слышал их разговор, как они в один монастырь ездили. Вот это монастырь! Соборы белокаменные, купола золотые, звон малиновый, дорожки узорчатым камнем уложенные... Газоны – Гайд-парк отдыхает – это в городе Лондоне, ежели кто не знает; мы теперь тески с ним или побратимы – как правильно сказать?... Цветы везде, клумбы фигуристые, деревья фруктовые, кустарники диковинные. И настоятель, конечно, под стать. Грудь в крестах, кресты в камнях («украшения» называются)... Про тачку настоятельскую вообще молчу. Кто умный, пусть сам догадается, а дуракам и знать не положено.

А тут... Ой, смех один! Главный-то, который без палки ходит, в такой конуре живет, что... просто «грех». Сам за водой на колодец ходит, вороток крутит, прет ведра домой, расплескать боится. Дрова сам колет. Печку топит. Видно сразу: экономный мужик. Ну и то хорошо. Отсталый, конечно, элемент. Книги, выдать, читает, потому как такие слова закручивает, что язык не повернется повторить. Нет бы знания свои в дело пустить, лекцию какую прочитывать, или на диспуте атеистическом выступить, или, на худой конец, в Мировую сеть выйти и сказать там всем слово истины, так нет! Сидит в своей конуре (ей Богу, даже домом не назовешь), молится, видите ли...

Гуляю тут как-то возле той конуры, просто гуляю. А тут его котюра выходит, рыжий с белыми пятнами, Львом зовут, Левого, то есть, вроде как по-простому. И этот, значит, нахальный Лева мне в морду лапой, типа того: вали отсюда, это моя территория и мой хозяин. Я, конечно, мог бы прихлопнуть этого наглеца, да хозяина его жалко, уж больно любит он своего постыльца. Целыми ночами, особенно когда март на дворе (а, скажу вам по секрету, у этой рыжей морды март еще в декабре начался), этот философ-молитвенник форточку за ним закрывает. Как лакей какой. А тот туда-сюда, туда-сюда... Если, конечно, на трое-четверо суток совсем вдруг не пропадет. Одним словом, не стал я с этим рыжим хамом связываться. Хоть кому-то это позором может показаться, но я же в монастыре живу! А значит, я должен смириться. Это не грех никакой, а совсем наоборот.

Наговорил я тут на Левку... эх, простите грешника! – из зависти. Кот Лева ходит в храм, вот! Ему, значит, на службе можно быть, а мне – как паршивому псу!.. Сунулся я было на паперть, так меня тихо так, интеллигентно: иди, Лондон, иди, погоуляй. Вот и вся православная демократия!..

Хм, недавно слышу... Мальчонка тут один, сосед – из соседней Поповки проходил через Еремино, увидел меня и спрашивает одного нашего:

– Как вашу собаку зовут?

– Лондон, – отвечает тот.

– Надо же, – удивился мальчонка, – как на нашего Гарика похож! Может, брат?..

Да что удивляться? Жизнь в монастыре даром не проходит. Накладывает, так сказать... Уже и свои не узнают.

Впрочем, это прежние свои. А свои нынешние?

– Лондон, что застыл? – спрашивают. – Созерцаешь?

«Еще бы, – хочется ответить им, – с кем поведешься...». Но не отвечаю. Пусть их. Тем более они ж без злобы. Прикалы-

ваются. А со мной действительно что-то стряслось. Бывает, стою, смотрю по сторонам, а вид такой (слышал, как говорили), будто и не по сторонам смотрю, а куда-то внутрь себя. Может, в самом деле – с кем поведешься?

– ...Повторение фонетического образа имени Христова, проникновение разума в глубину семемы Имени постепенно само очищает сознание человека от всевозможных внешних образов, приводя его к трансцендентальному ипостасному имени Сына Божиего.

Это, как вы понимаете, лохматые-бородатые опять гуляют в Поповку. Им, конечно, весна – не весна, зимой-то все по конурам своим сидят, а теперь им дай языками почесать... Я с ними пробежки ради тоже гуляю, но слушать такое!.. Уж простите великодушно. У меня мозги закипают, сразу к луже тянусь, попить-охолонуться. Я уж лучше по полям, по лугам побегаю, только бы крыша не поехала. Как она у них-то еще на месте держится?!

Вообще в этом монастыре только с виду бомжатник, а на самом деле... Тут какая-то тайна. Вроде всё как-то с любовью. Без нажима, без криков: равняйся, смирна, шагом марш на послушание!.. Будто не только всех этих небомжей главный любит, не только благочинный и другие начальники их уважают, но и Кто-то повыше. Да не губернатор! Что вам всякая чушь в голову лезет?! Это «помыслы» называется. А с помыслами бороться надо. Иначе к трансцендентальному ипостасному имени Сына Божиего не пробиться!.. Ой, что это такое я сказал?! Не грех ли?.. Так все же повыше берите, повыше!.. Как у них это получается – ума не приложу. Но ведь, действительно, с кем поведешься. Не стал бы я всю эту тягомотину здесь разводить, да вот не могу. Куда ж теперь любовь девать?..

А крест, заметил я, вообще-то может быть обычный, латунный. И украшения – никакие не камни драгоценные, а обыкновенные стекляшки. Это у нашего главного такой. Или я своими собачьими мозгами все же чего-то недопонимаю? Смирения, что ли, не хватает?

Так к чему я все это? А к тому, что в монастыре жить очень хорошо! И уходить туда можно не из-за личных трагедий и неустрашенности. Скажу одно: здесь – решение всех наших проблем, потому что душа не больше ли пищи?..

Вот, люди добрые, господа хорошие, желаю и вам мирного духа, сытого желудка – все же, чтобы не думалось о нем, и щенячьей радости! Будьте, в самом деле, как щенки, ну, или хотя бы как дети!

Земно кланяюсь.

С любовью, Лондон!

Большая жизнь маленького села

Есть недалеко от Москвы небольшое село со светлым названием Рождествено. Есть в селе небольшая уютная церковь Рождества Христова. А при церкви есть православная школа «Рождество». Директор этой школы Валерия Феликсовна Шварц предложила идею, а учитель истории Елена Литвяк задумала и воплотила чудесный в своей простоте замысел – рассказать историю этого села, церкви и школы в форме детской книги, историко-краеведческой и при этом занимательной. И возникла увлекательная история двух братьев-близнецов, которые вместе с родителями переезжают из Москвы в Рождествено.

Елена Литвяк – мама четверых детей, десять лет преподает в школе «Рождество» и прекрасно разбирается в психологии подростков. Она с интересом наблю-

дает за похождениями своих маленьких героев. Ее занимают все подробности их жизни: игры, ссоры, открытия, обретение новых друзей, познание мира и Бога. Писательница зорко всматривается в окружающий мир и видит его глазами ребенка. Она заметит и старый сад, где можно играть в индейцев и шпионов, и дупло корявой яблони, в котором можно устроить тайник; найденный на чердаке старый ящик с сапожными колодками расскажет не меньше, чем старинный обвалившийся парковый грот или мраморная ваза на аллее бывшего парка усадьбы Рождествено.

Маленький архивариус Пашка и его брат Петька открывают для себя не только село Рождествено – они познают историю России. Здесь и XIX век, война с Наполеоном, Бородинская битва, о которых напоминает памятник генералу Кутайсову, младшему сыну владельца усадьбы Рождествено. Здесь и трагическая история XX века, коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война, о чем помнят старожилы-соседи, рассказывают старые фотографии. Здесь восстанавливается школа, основанная еще графом Толстым. Здесь храм на холме, поруганный во времена гонений на Церковь и вновь открытый в конце XX века, храм, в котором Петька и Пашка находят престол святых апостолов Петра и Павла – своих небесных покровителей. Мир полон загадок и чудес – как бы говорит эта книга – только научитесь их замечать.

А читатель, следуя за героями книги, совершает увлекательное путешествие по маленькому уголку подмосковной земли,

вместившему все, чем жила Россия несколько столетий, вместе с ними учиться, играет, познает.

Как часто современный человек замечает и изучает только магистральную линию истории, считает, что важно и достойно внимания лишь масштабное, крупное – известные города, значительные события, знаменитые личности... Но подлинное чувство Родины приходит именно там, где в тишине и, может быть, даже в тайне еще жива историческая память, где из уст в уста передаются старые предания, где сохраняются крупницы ушедшей жизни, осколки давних эпох, где младенческая душа открывает свое родство с историческим прошлым, в познании которого мужает и взрослеет.

Екатерина Ефимова-Залекер,
кандидат филологических наук
Елена Литвяк. Православная школа «Рождество». «Архивариус Пашка». М., 2016.

...А в промежутках между рождением и воспитанием детей – книги

СОДЕРЖАНИЕ

...НО КАК НАУЧИТЬСЯ ПОЛЮБИТЬ ГРЕШНИКА?!

ИЗ ДНЕВНИКА СЕЛЬСКОЙ МАТУШКИ

Игумен Варлаам (Борин) – Павел Демидов
Борясь за себя, мы тем самым боремся
и за других 3

Марина Захарчук
Помощь дает нам чудесную батюшка наш Серафим.
Чаша 22

Сергей Комаров
Молиться о возвращении заблудшего –
и есть любить его 6

МИР ВОКРУГ НАС

Сергей Комаров
Покаяние. Напоминание. Предупреждение 24

Протоиерей Валентин Свенцкий
Знать эту молитву – значит знать всё 8

Священник Владимир Русин
17 контрреволюционных стихотворений 26

Александр Мартинес – Павел Демидов
Чтобы полюбить другого, думай: а сам я какой? . . . 10

*Оксана Федорова : «За все это я благодарю
Господа и молюсь святым» 28*

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 12

СТРАНА КРАСОК И СЛОВ

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Дмитрий Шеваров
Поздний человек 31

Наталья Прохорова
...Но они все равно нас любят 14

Николай Предеин
Монолог о жизни и искусстве 34

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

СТРАНА СЛОВ

П. Д.
Ясно как Божий день 18

Игумен Варлаам (Борин)
С любовью, Лондон 36

Архивариус
Памятные адреса. Вдовый дом
и церковь святой Марии Магдалины 19

Екатерина Ефимова-Залекер
Большая жизнь маленького села 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Главный редактор
Павел Демидов

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 10.09.2017

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Цена свободная

Обложка: Церковь Рождества
Пресвятой Богородицы в селе
Подмоклово, Серпуховской район
Московской области. Фото Вадима
Рутковского

**Этот номер вышел заботами рабов
Божиих Алексея и Александра.
Храни их Господь**

Приход храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+ 7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 212
© Лампада, 2017

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100